

Светлана Рыжкова

В книгу вошли очерки о героях Великой Отечественной войны - поэтах, художниках, музыкантах, чья жизнь и творчество связаны с Крымом. В разные годы автор посвятил им передачи Крымского телевидения "Литература, Искусство, Культура" (ЛИК), "Поэзии слово живое", "Семь нот", "Галерея искусств" и другие.

ISBN 978-5-907548-34-3

**Мы родом не из
действа**

Светлана Рыжкова

Мы родом не из детства

Симферополь 2023

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)
Р939

Р939 Рыжкова С.И. Мы родом не из детства. – Симферополь:
«Форма», 2023. – 92 С., илл.

ISBN 978-5-907548-34-3

В книгу вошли очерки о героях Великой Отечественной войны – поэтах, художниках, музыкантах, чья жизнь и творчество связаны с Крымом. В разные годы автор посвятил им передачи Крымского телевидения «Литература, Искусство, Культура» (ЛИК), «Поэзии слово живое», «Семь нот», «Галерея искусств» и другие.

На обложке картины “Помним” и “Две дороги. Коктебель”, худ. И.В. Степанова

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-907548-34-3

© Рыжкова С.И., 2023
© ООО «Форма», 2023

<u>Еще не все сказали о войне</u>	5
<u>Его романное поле</u>	7
<u>Память сердца всиыхнула стихами</u>	11
<u>Последний рейс бронепоезда</u>	16
<u>По следам подвига</u>	22
<u>Я родом не из детства</u>	28
<u>Они были актерами</u>	36
<u>Рапсодия его жизни</u>	39
<u>Его главная тема - мирный Крым</u>	42
<u>Мои стихи документальны</u>	46
<u>Я жизнью за тебя в ответе</u>	51
<u>Отец и сын</u>	55
<u>Их фронти и сцена</u>	60
<u>Среди книг</u>	64
<u>У музыки возрасты нем</u>	67
<u>Кистью тренажерной и правдивой</u>	71
<u>Творчество - это судьба</u>	76
<u>Память в солдатском строю</u>	82
<u>Солдатские сердца</u>	85
<u>Помнит</u>	90

Герои очерков

Александр Лесин	7
Афанасий Красовский	11
Михаил Галанин и Евгений Матюш	16
Вера Гейко	22
Юлия Друнина	28
Изяслав Жорницкий	39
Олег Грачев	42
Борис Серман	46
Илья Сельвинский	51
Георгий и Сергей Овчаренко	55
Ольга Федорина и Владимир Кондратьев	60
Владимир Ерошенко	64
Дмитрий Малый	67
Валентин Бернадский	71
Яков Басов	76
Иван Робак	82
Евгений Халдей	85

Еще не все сказали о войне

Тонкий стебелек памяти. Он гнётся под ветрами времени, гнётся, но не ломается. Глубоки его корни, что пытают жизнь, такую хрупкую, но такую неодолимую. И зовётся эта жизнь памятью сердца.

Еще не все сказали о войне. А время неумолимо обгоняет воспоминания. В его круговорти тонут судьбы и ценные жизни. Но огненные страницы Великой Отечественной навечно вписаны в историю. Фотокорреспонденты и кинодокументалисты запечатлели многие мгновения войны. А рядом шли поэты, писатели, музыканты, художники, актеры...

Их творчеством мы продолжаем восхищаться, увидев на кино- и телеэкране, на страницах книг, на живописных полотнах.

Профессия журналиста подарила мне незабываемые встречи с этими людьми и возможность посвятить им циклы передач Крымского телевидения «Литература, Искусство, Культура» (ЛИК), «Поэзии слово живое», «Семь нот», «Галерея искусств» и другие.

Еще совсем недавно они были с нами – наши земляки, крымчане, дорогие фронтовики. Они и сегодня остаются нашими современниками.

*Пусть каждое славное имя
Затеплится в списке!
О том, как героем
Становится целый народ,
Безмолвным своим языком
Говорят обелиски... –*

эти слова поэта Николая Новикова обращены к нам, сегодняшним, ведь, если помним мы, эту помять будут вечно хранить и обелиски, и живописные полотна, и кадры бое-

вой фотохроники. Мы, сегодняшние, одухотворяем память о войне.

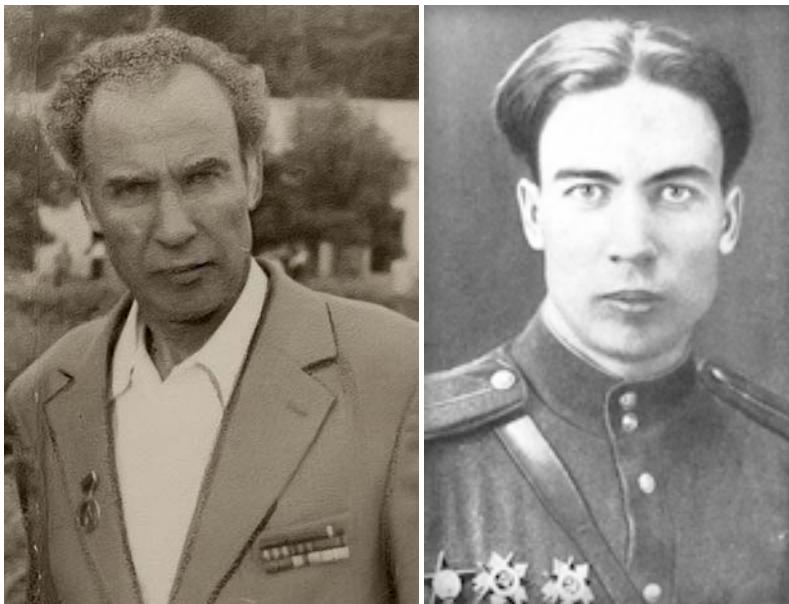
Образ Великой Победы с годами становится все полнокровней. Прорастает молодыми побегами могучее древо памяти. А строки, написанные поэтом-фронтовиком, Борисом Серманом в сентябре 1945-го, будут звучать и для новых поколений с той же силой любви и преданности нашей Родине.

*Земля моя!
Мечту о нашей встрече
Мы пронесли с собой
под свист картечи.
Она оберегала нас в борьбе,
Она светила нам, когда
вставала мгла,
Она в дороге компасом
была
Мы жили только думой
о тебе.
И вот вернулись мы,
Земля родная, здравствуй!*

И кажется, будто мириады огоньков победного салюта уже в полной тишине спускаются к нам. И хочется подставить ладони и уберечь от исчезновения эти теплые комочки света, зажжённого в память о воинах Великой Отечественной.

Александр Лесин. Его ратное поле

Сменилось много лет и зим, и весен. Ушли года стремительным потоком, пытаясь унести в своем течении былье подвиги Великой той войны. Но есть другая память – память сердца. Она в тебе, не знающем войны. Она в тебе – потомке ветерана. Она – в дорогах, заново мощёных, она – в домах, отстроенных на месте, где были разрушения войны. Она – в самих героях, прежде юных, все испытавших в дни великих битв и ставших в наши дни живой легендой. Увы! Все меньше их. Заметно меньше. А многие остались молодыми, ушедшими на линию огня.

От имени павших на полях сражений, от имени всех фронтовиков, вернувшихся в родной дом, поэт Александр Лесин написал стихотворение «Юность моя...»:

*Юность моя, ты вот как
Выглядишь со стороны:
В тяжелых ботинках,
В обмотках
невероятной длины,
В шинелишке серого сорта
(Попробуй блеснуть красотой!)
В пилотке белесой, потертой,
Зато – со звездой!
Памятным днем июня
В ближайший военкомат
Пришла добровольцем юность –
Родины верный солдат.*

Он родился в 1921 году в поволжском селе, а прошагал огневыми дорогами от Подмосковья до самого Берлина. Александр Андреевич Лесин участвовал в боях на Западном, Калининском, двух Прибалтийских и 1-ом Белорусском фронтах сначала как рядовой 146-ой стрелковой дивизии, затем как литсотрудник газеты «За Победу» этой же дивизии. Вместе с ней прошел весь боевой путь. Награжден орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны I и II степени и боевыми медалями. Автор более десяти поэтических сборников: «В строю», «Юность моя», «Беспокойство», «С открытым сердцем», «Полуостров», «Братское поле» и других. И книги-дневника «Была война», первая страница которой открывается строчкой, написанной автором в дневнике 22 июня 1941 года.

«Война началась для меня так: ночь накануне я был с Шурой. Мы бродили по заречным лугам. Потом сидели на травянистом берегу, смотрели в тихую прозрачность воды... Потом ворвалась война».

И вот ночь перед первым боем. Разве кто-нибудь из фронтовиков в силах ее забыть! «Встревоженность не унималась. – пишет Александр Андреевич в книге «Братское поле». – Сердце, будь же камня тверже. Я не сразу понял, что слова эти вырвались из меня в определенном ритме. Сначала как упрек. А потом зазвучали как заклинания». Так родились «Стихи, написанные перед первым боем»:

*Сердце, будь же камня тверже,
Перед бурей не дрожи.
Не тобою ли затвержен
Лозунг смелых: жить и жить!*

*Жить и жить, на всё готовым:
Встать под пули в полный рост,
Пронести живое слово
Через сто смертей и гроз...*

После войны Александр Лесин учился в Литературном институте им. М. Горького в Москве. С 1947 года стал крымчанином. Работал лектором лекционного бюро, ответственным секретарем, потом редактором альманаха «Крым», печатался во многих газетах, в известных художественных журналах, занимался военно-патриотическим воспитанием молодежи. Он жил в Симферополе, на улице Киевской, писал стихи.

*Пусть сменились
тишиной года,
Но война жила в нас*

*И живет:
Тот, кто воевал,
 Тот никогда
От нее уже не отойдет.
Не кончается она для нас
 Ни на час
 И даже ни на миг.
Взрывами встает у
 самых глаз
И ложится на страницы
 книг.*

Его ратное поле дало жизнь поэтическим росткам. И потянулись к свету стихи, наполненные душевным теплом, и крепкие корни памяти о павших героях проросли строчками, пронизанными болью, но и надеждой, что никогда не будут забыты их имена. А слова, обращённые к ветеранам Великой Отечественной войны:

«Не говори, я выполнил свой долг.
Свой долг выполнили мы!»
звучат, как завет новым поколениям защитников Отечества.

Афанасий Красовский. Память сердца вспыхнула стихами

Не сжег душу поэта огненный шквал войны. Она возрождалась к мирной жизни вместе с любимым Севастополем. И сегодня поэт «говорит» с нами шумом морского прибоя, ведь он всегда оставался верен морю; голосами артистов флотского театра, ведь он был и драматургом; шелестом книжных страниц в тишине городской библиотеки имени Льва Толстого, ведь он был автором шестнадцати поэтических сборников.

Семнадцатый вышел в год его 100-летнего юбилея в 2011 г. и был назван «Морские сонеты. Стихотворения и песни. Избранные произведения». Составитель – сын Афанасия Степановича Игорь.

Строки поэта, опаленные огнем, казалось, только-только вырвавшиеся из боя, ложились на страницы газеты «Красный черноморец».

*Из матроса, лирика-поэта,
в эту бурю дыма и огня,
посвятила флотская газета
в журналисты запросто меня...
Копоть в схватках покрывала
лица,*

*полыхал неукротимо бой.
Был я тоже пламенной
частицей
в бескозырке с лентой золотой.*

Афанасий Степанович стал военным корреспондентом с первых дней Великой Отечественной. Участвовал в морских десантных операциях по освобождению Новороссийска, в обороне и освобождении Одессы, Севастополя, Кавказа, Керчи. С передовыми частями 4-го Украинского фронта вошел в освобожденный Севастополь. Его боевые ордена и медали, Почетные знаки и Почетные грамоты Министерства обороны СССР хранятся теперь в музее Героической обороны и освобождения Севастополя. Его именем названа одна из улиц города-героя. А его стихи и песни – более 60-ти, посвященные флоту и Севастополю, – звучат в концертных программах.

Во многих краях земли побывал Афанасий Степанович за годы своего служения морю, но три места особенно дороги ему: деревня Васильево, что на Смоленщине – там он родился 1 мая 1911 года и провел свое горемычное детство; Москва, – она формировала в нем творческую личность. Здесь поступил он в художественное училище имени 1905 года, где живы были замечательные традиции рус-

ской живописной школы, и одновременно учился в Литературном институте. Но о многом ли скажут сухие строки биографии, если вся жизнь поэта в его стихах!

*Быть может, всё, мне
данное судьбою,
И всё, что пережито было
мною,
Морскою пеной вышло
на виски, -
<...>
С самого детства.
Мой отец оставил мне
в наследство
старую телегу без коня,
счастьем необласканное
детство,
жизнь мою да хату без огня...*

*Мальчуганом я бродил
с котомкой,
по весенней сырости дорог,
чья-то жалость грустно хлеба
корку
подавала мне через порог...
И судьба свела меня
с чумазым миром.*

*Оборванцем я в него вошел.
Первою московскою квартирой
Стал большой асфальтовый
котёл.*

*Но однажды в переулке
мглистом
Мой ночлег дзержинцы
засекли...*

*В кожанках суровые
чекисты
жизнь мою согрели
и спасли.*

Еще до войны был призван на Черноморский флот. И с тех пор – и уже навсегда – Крым, Севастополь стали его второй родиной. И родиной всех его поэтических сборников. С 1960 года Афанасий Красовский – член Союза писателей СССР, один из основателей литературного объединения Севастополя. И всю жизнь Афанасий Степанович сочетал мужественный труд моряка с поэтическим творчеством.

*Матросу море
не дает поблажки,
как говорят,
ни летом, ни зимой,
но круглый год*

*цветет весна в тельняшке
над звонкой черноморскую волной.
Она плывет по синему
простору
теплом и светом
Родины моей.
Ей по плечу
и в штурмовую пору
в большой поход сниматься
с якорей...*

В день празднования 212-й годовщины основания Севастополя – 14 июня 1995 года на доме №10 по улице Репина была установлена мемориальная доска, посвященная памяти Афанасия Степановича Красовского – защитника и освободителя города-героя, одного из лучших его поэтов, воспевших мужество, славу и красоту любимого Севастополя.

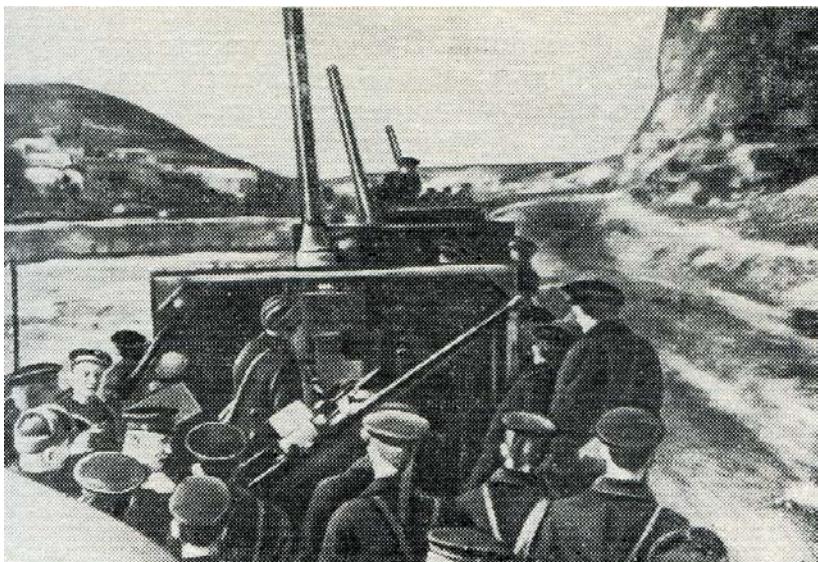
*Есть у Черного моря
белокаменный город,
есть у Черного моря
город-воин, герой.
Он стоит непреклонным
вековым бастионом,
на холмах он стоит,
он волнами омыт –
Севастополь родной.*

В мае 2015 г. мне довелось встретиться с сыном Афанасия Степановича Игорем Красовским, кинооператором-документалистом. Он показывал фотографии из семейного альбома, книги Афанасия Степановича, читал стихи отца, которые знал наизусть. Образ отца, его голос, его любовь к морю и Севастополю остались в памяти сыновнего сердца.

Михаил Галанин и Евгений Матюш. Последний рейс бронепоезда

Здесь нет тишины. Здесь никогда ее не бывает, даже ранним утром, даже глубокой ночью, потому что на разные голоса поют гудки, звенят на стыках рельсы под проходящими составами, слышится ритмичный перестук колес.

И над всем этим царством звуков властвует строгий голос диспетчера, как голос невидимого чудо-богатыря.

Он повелевает, он распоряжается, и по его приказу сдвигаются с места тяжелые составы, убегают вдаль пассажирские поезда, увозя с собой песни, смех, а иногда грусть расставания.

И долго еще звенят рельсы, словно спешат допеть песню, которую только что унес к горизонту поезд.

А было время, когда их грозная песнь-гудение не прекращалась, когда не теплотой – жаром дышали стальные нервы железнодорожного полотна.

То время прошло, но оставил для нас легенду о бронепоезде «Железняков», о мужественных людях, не покидавших бронепоезд все 250 героических дней обороны Севастополя.

Паровоз ЭЛ-2500 легендарного бронепоезда. В 1941-м на нем тоже не было брони. И он, словно заколдованный, мчался под взрывами и огнем, ведя за собой бронированные платформы.

Да, заколдованный мужеством и смелостью своего экипажа.

Прощай, старый друг.

Ты славно воевал.

Теперь ты навечно останешься в Севастополе, как памятник самому себе, как символ славы железнодорожников.

В последний рейс ведут его на место стоянки бывший машинист Михаил Владимирович Галанин и его помощник Евгений Игнатьевич Матюш. И снова перед их взором

проходят картины минувших грозовых лет.

Вспоминать трудно.

Это значит – снова увидеть летящие бомбы, развороченные рельсы, убитого комиссара.

Вспоминать нужно.

Это значит – можно хотя бы мысленно сказать погибшему другу, отважному разведчику Зорину: «Ты с нами, Борис. Мы отомстили за тебя. И за нашего комиссара Порозова. За всех железнодорожников, которые не вышли в тот страшный день из Троицкого туннеля, мы отомстили».

Троицкий туннель. Мекензиевы горы. Инкерман. Точки наивысшего напряжения. Апофеоз мужества и отваги железнодорожников.

Там родилась легенда о «зеленом призраке» – грозном севастопольском бронепоезде.

Легенда продолжается. Ее новые, трудовые главы создают железнодорожники, победившие смерть. И в их числе симферопольские железнодорожники Михаил Владимирович Галанин и Евгений Игнатьевич Матюш.

Двадцать пять лет водил составы Евгений Игнатьевич.

Он помнит маломощные паровозики, черные, пыхтящие. Казалось, что они из последних сил выбиваются, еле ползут по рельсам.

И все равно Женя Матюш очень гордился, когда его после окончания фабзавучча поставили помощником.

Как большую драгоценность хранит Евгений Игнатьевич значок «Почетного железнодорожника».

Железнодорожная линия стала линией его жизни. И она привела его к подвигу.

Сколько рейсов совершил Евгений Игнатьевич за 22 послевоенных года?

Трудных, ответственных, но мирных.

И часто путь его лежал в Севастополь. Только рядом были уже другие люди: Виктор Николаенко, Леонид Воро-

нин, Анатолий Чечуга – все они теперь самостоятельно вводят составы, а были его учениками.

В 1963 году его бригаде присвоили звание коллектива коммунистического труда.

А через два года Евгения Игнатьевича избрали делегатом XIX съезда профсоюза железнодорожников.

Это был 1965 год – год 20-летия Великой победы над фашизмом. «Железноковцы» собрались в Севастополе. Отмечали победу.

41-й вспоминали молча.

Да. Это произошло у станции Мекензиевы горы.

Бронепоезд отошел на задание. Прямой наводкой бил по переднему краю врага. Вдруг к гулу снарядов прибавился гул самолетов.

Фашистские стервятники забросали бронепоезд бомбами.

Паровоз захлебнулся паром. Лопнула дымоходная труба. Бронепоезд остановился.

Единственный выход – заглушить трубу. Но для этого нужно лезть в паровозную топку. И тогда Женя Матюш решился.

В паровозной топке пламя металось, как зверь в клетке. И всё же оно не могло противостоять мощной струе воды. Огромный красный зев подернулся темнотой.

Но эта темнота не предвещала прохлады. Она давила на грудь словно раскаленными глыбами, дышала в лицо нестерпимым жаром, мучила сознание.

300 градусов тепла! Нет, не тепла – удушающего ада! Женя забыл обо всем, кроме одного: скорее заглушить трубу. От него зависит сейчас жизнь всего экипажа. Сердца сотен железноковцев бьются в эту минуту удар в удар с его сердцем.

Он слышит, как они стучат. Или это кровь стучит в голове глухо и часто? А может, снаряды рвутся там, на воздухе, не подпуская фашистов к бронепоезду?

Ребята защищают Женю и его подвиг.

Прошли какие-то мгновения, а Жене казалось, что он действует очень медленно. Наконец, он крикнул:

- Готово!

Или ему показалось, что он крикнул.

Но люди поняли.

Они услышали бы не только шепот. Мысль и ту уловили бы.

Его мгновенно вытащили.

...Сознание вернулось к Жене не сразу.

И снова «зеленый призрак» мчался по гудящим рельсам, неуловимый и бесстрашный, нанося удары по врагу в самых неожиданных для него местах.

«Балаклава. Как она красива осенью! А тогда, помню, была зима, – рассказывал Матюш, – но мы не чувствовали холода. У топки было жарко. У орудий – тоже. Снаряд за снарядом посыпал бронепоезд во вражеское расположение. И никто не заметил, как от осколка снаряда загорелась контрольная площадка. Лейтенант Андреев не растерялся. Прыгнул на горящую платформу и отцепил ее. Мы с Мишой Галаниным сделали всё возможное, чтобы умчаться от опасного места. И вдруг с ужасом увидели, как горящая платформа катится вслед за бронепоездом, словно боится отстать.

Порывы ветра усиливали пламя. Еще немного – и произошло бы страшное. И тут на полном ходу лейтенант Андреев, рискуя жизнью, прыгнул с горящей платформы и подложил под нее башмак¹».

И снова мужество человека спасло весь экипаж бронепоезда.

¹ «Башмак» – тормозное устройство на железнодорожных путях.

Троицкий туннель. Долгое время он был надежным укрытием для бронепоезда.

Сюда возвращались железнодорожники из разведки и боя, здесь отдыхали и мечтали.

Отсюда смотрели на Севастополь, дымящийся и не сдающийся. Здесь завершился последний рейс легендарного бронепоезда «Анатолий Железнодорожник».

Но и после того, как обрушились своды туннеля, железнодорожники не сдались.

Заживо погребенные под лавиной камня, глины, бетона, они работали изо всех сил. На помощь пришли севастопольцы. Не стало «Железнодорожника», но железнодорожники, оставшиеся в живых, крепко еще сжимали в руках оружие.

Бой продолжался.

...Завтра, и послезавтра, и каждый день будет приходить в город мирное голубое утро. И каждый раз будет встречать его Евгений Игнатьевич Матюш, собранный и подтянутый, готовый вести состав, куда прикажет Родина. Это было в ноябре 1967 года... Там, где работал Евгений Игнатьевич, не бывало тишины. Даже минутное затишье казалось неправдоподобным. Потому что и в такие минуты, если внимательно вслушаться, можно уловить тихий звон стальных рельсов, по которым промчался длинный и гулкий, как гремящая цепь, состав. И рельсы долго еще звенели, словно спешили допеть песню, которую унес к горизонту поезд.

Фотографии из книги: Александров Н.И. Севастопольский бронепоезд: документальная повесть. — 3-е изд., перераб. и доп. — Симферополь: Таврия, 1979.

Вера Гейко. По следам подвига

5 апреля 1944 года в фашистских застенках погибла юная патриотка, комсомолка Вера Гейко. А через неделю советские войска освободили Симферополь – город ее детства и юности.

Спустя 24 года в 10-й симферопольской школе, где училась Вера (до войны это была школа №3), старшеклассники организовали штаб «Прометей». Они решили составить летопись школы. Восьмиклассницы Оля Лысенко и Тамара

Машковская начали поиски материалов о подпольщике.

Девочки ходили в областной краеведческий музей. Познакомились с родителями героини Николаем Яковлевичем и Ульяной Петровной Гейко. Не раз встречались с ее школьными подругами: Верой Семёновной Гвоздаревой, Анной Николаевной Тупчий, Марией Семёновной Цирульской.

Как самую дорогую реликвию хранили восьмиклассницы фотографии Веры и ее альбом с песнями. Этот альбом, сделанный из обычной общей тетради, Вера отдала своей подруге Ане Тупчий незадолго до гибели. Комсомольской группе 8-Г класса было присвоено имя Веры Гейко.

В апреле 1968 года крымчане увидели телеочерк «Расстрелянное утро». Я написала его от имени сверстницы Веры – 19-летней крымчанки, родившейся уже после войны. Вот она идет вдоль Салгира, садится у самой воды, слушает песню «Круги на воде», которая доносится отку-

да-то издалека. В ее руках старая тетрадь – это альбом Веры.

Я слушала песню и думала о тебе, Вера. Это новая песня, ты не знаешь ее. И меня не знаешь. Я тоже никогда тебя не видела, но могу сказать, какая ты была: высокая, стройная, с длинными каштановыми косами, с серыми глазами. Ты была красивая и гордая. И очень нравилась мальчишкам. Ты умела смеяться и петь. Я даже знаю, какие песни были твоими любимыми.

*Сият курганы темные,
Ветром опаленные,
И туманы серые
Ходят чередой.*

И еще:

*Эх, путь-дорожка,
Звени, моя гармошка,
Смотри, как сияют звезды
над рекой,
Парни лихие, девчонки
огневые,
Все заговорят наперебой.*

Я тоже знаю эти песни. Ты не удивляйся. Мы знаем много песен твоей юности.

И о жизни твоего поколения, комсомольцев 1940-х годов, мы слышали и читали немало. Я держу сейчас в руках эту старую тетрадку с довоенными песнями – твой альбом – и мне не верится, что тебя нет. Когда ты погибла, я еще не родилась. Но всё равно мы ровесницы. И мне понятна каждая запись в твоем альбоме: всё так по-девчоночьи!..

У нас сейчас много новых красивых песен. Ты бы их обязательно полюбила.

И Симферополь наш тоже стал очень красивый.
Вот твоя школа.

Я вижу, как ты веселая, улыбающаяся выбегаешь из школы. Ты – выпускница!

Тебе дарят розы, твои любимые цветы! Ты кружишься в вальсе. И лунная теплая ночь тоже для тебя. Тебе всего шестнадцать лет. И на дворе июнь...

На дворе июнь. На земле война. А тебе уже шестнадцать лет и ты комсомолка. И уже слышны чужие жестокие шаги. Они пришли в твой город. Они приближаются к твоему дому.

Скорее, вот здесь, где вскопана земля, спрятать комсомольский билет. Чтобы звериные глаза не смели взглянуть на него, чтобы чужие кровавые руки не смогли прикоснуться к нему.

Опустел город. Затаились люди. Но тишины не было.

Тяжелый топот кованых сапог, чужие обрывистые фразы, взрывы и выстрелы, и крики...

Если даже не было крика, тебе он чудился в каждом доме, в каждом взгляде...

Ты не могла остаться безучастной. В твоем альбоме есть одна неоконченная фраза, написанная твоей рукой...

«1941 год – год окончания учебы в школе, а также – год...»

Я не знаю, какие слова ты хотела написать дальше, но, когда я прочитала эту фразу, мысленно докончила ее: «А также год начала борьбы с немецко-фашистскими захватчиками».

Я уверена, ты это хотела написать, но тебе показалось, что этим словам не место в твоем альбоме. И ты поняла, что детство ушло сразу и навсегда, и что у юности твоей должна быть только одна дорога – борьба.

Чтобы вас не угнали в Германию, тебе и твоим друзьям пришлось поступить в зубоврачебную школу.

Я даже не знаю, кем ты хотела стать. Только могу догадываться, с каким щемящим чувством ты расставалась со своей мечтой.

Вера, я подхожу к самым тяжелым страницам твоей жизни. Смотрю на фотографии.

Здесь тебе семнадцать. Ты со старшей сестрой Полиной. Ты с подругой Аней Тупчий.

Вот такая открытая, сурово-грустная ты вступила в борьбу.

Но тебе еще пришлось смеяться, даже хохотать. Так нужно было.

Ты и Люся Серойчиковская шли с корзинами белья. И только вы знали, что под бельем – мины. Вы готовы были

бежать, мчаться, чтобы доставить их в надежное место, но нужно было идти не спеша, не оглядываться, непринужденно болтать... И вдруг – облава!..

Всё громче фашистские сапоги, всё ближе – бесцветный взгляд. Что делать? И вы – засмеялись, беззаботно, весело, заразительно. И сразу сняли с себя все подозрения. Вас не задержали. А сколько раз немецкие офицеры навязывались вам в провожатые. И вы шли рядом, и несли в сумочке свой смертоносный груз.

Чего вам это стоило, видела потом Галина Федоровна Самарская, хозяйка конспиративной квартиры.

В маленький домик на Битакской улице вы приносили мины, шашки, листовки, за которыми ходили к тайнику – далеко, за Симферополь, ночью, в любую погоду.

Отсюда, тоже ночью, уводили в лес раненых и освобожденных из фашистских тюрем советских людей.

Подпольная молодежная группа действовала. Она была связана с руководителями подпольного горкома партии.

С сыном Самарской Игорем и с его другом Толей Досычевым тебе, Вера, пришлось не раз отправляться на серьезное задание. С ними ты ходила и к партизанам.

Тебе доверили большое дело: ты стала связной Северного соединения партизан.

А гестаповцы уже разыскивали тебя и твоих товарищ. Их тайные агенты рыскали по городу, выслеживали подпольщиков

Ты, наверное, что-то почувствовала. Почему ты отдала свой альбом Ане? На какой странице в последний раз остановился твой взгляд?

Я вижу его. Он был грустным. Но ты чуть-чуть улыбалась, потому что вспомнила школу. Мне хочется сказать, что я восхищаюсь тобой. Честное комсомольское!

И знаешь еще что? Мне теперь будет очень трудноходить по городу. Меня всегда будет тянуть в тот скверик. Сейчас там стоит танк, первый советский танк, который ворвался в Симферополь однажды апрельским утром. Но если бы он чуть раньше... Если бы шестого марта...

Почему вы с Люсей выбежали в скверик прямо в больничных халатах? Наверно, устали от занятий, от больничного воздуха и вышли подышать?

Но ведь было довольно прохладно. Март только начинился. Скорей всего, ты хотела что-то сказать Люсе наеди-не. Может быть, о скорой победе и о весне?

Ты не успела ничего сказать. Грубая рука толкнула тебя, спиной ты почувствовала холодное дуло автомата.

Ни матери, ни отцу, ни товарищам – никому не удалось разыскать тебя и Люсю.

Так надежно спрятали вас враги. Значит – крепко боялись. Значит – чувствовали свою гибель.

Но мы получили твое письмо, написанное кровью на белой косынке. Его получили твои друзья, потом дети твоих друзей.

Его будут получать наши дети и наши внуки.

И каждое новое поколение узнает, о чем думала ты в последние минуты своей жизни.

«Вот и подходит жизнь к концу. Через день-два меня и товарищей по борьбе расстреляют.

Жаль уходить из жизни в 19 лет. Это так мало на фоне человеческой жизни, но это и много потому, что кое-что сделано. Ненавижу этих проклятых фашистских выродков. Будьте прокляты, матери, родившие таких ублюдков. Мало мы были этих гадов. Мало мы доставляли мин. Жаль маму и папу, старенькие они, будут сильно плакать, ведь я четвертая из нашей семьи, кто стал на защиту Отечества. Братики мои родные! Живы ли вы, мои любимые? Не забывайте свою сестренку, отомстите за мою смерть.

Да здравствует СССР!

Смерть фашизму!

Всё равно мы победим.

Прощайте, люди. Отомстите.

Вера Гейко»

За тебя отомстили, Вера. За весну, которую ты не встретила, за расстрелянное утро твоей жизни – за все отомстили фашистам советские люди.

А твой образ мы будем помнить и помнить, столько, сколько живем.

*Фотографии предоставлены
Музеем истории города Симферополя.*

Юлия Друнина. Я родом не из детства

Май в Крыму переполнен сиренью. Она растет не кустами – охапками. Огромными, как небо, душистыми, как детство, нежными, как глаза любимой.

Старый Крым – «сиреневый» городок. Белый и сиреневый. Сам маленький, а приютил – теперь уже на всегда – такую большую любовь, что вмещается разве только в поэзию.

Два имени, две души, два сердца четверть века были неразлучны и навечно остались неразлучными. Юлия Друнина и Алексей Каплер.

Юлия Друнина – поэт фронтового поколения. Мы говорим о ней сегодня, помня, что более 80 лет тому назад началась война, пылающая колыбель Поэта:

*Я родом не из детства — из войны.
И потому, наверное, дороже,
Чем ты, ценю я радость тишины
И каждый новый день, что мною прожит.
Я родом не из детства — из войны.
Раз, пробираясь партизанской тропкой,
Я поняла навек, что мы должны
Быть добрыми к любой травинке робкой.*

*Я родом не из детства — из войны.
И, может, потому незащищённей:
Сердца фронтовиков обожжены,
А у тебя — шершавые ладони.
Я родом не из детства — из войны.
Прости меня — в том нет моей вины...*

Касаться жизни поэта — как это сложно! Ее не перескажешь. В нее можно только окунуться и постараться понять. Если не разумом, то душой — обязательно.

*Колдует тропинка лесная
Над шалою талой водой.
Я зависти к юным не знаю —
Была в свой черед
Молодой.
И шла наша юность
К Маю
По самой Великой войне.
Я зависти к юным
Не знаю —
Пускай позавидуют мне!*

Юлии Друниной было всего 16 лет, когда она бросилась в самое пекло войны. Что двигало ею? Ребячье озорство, легкомыслие девчонки, романтика юности?

*Нет, это не заслуга, а удача —
Стать девушке солдатом на войне.
Когда б сложилась жизнь моя иначе,
Как в День Победы стыдно было б мне!
С восторгом нас, девчонок, не встречали:
Нас гнал домой охрипший военком.
Так было в сорок первом.*

*А медали
И прочие регалии — потом...
Смотрю назад, в продымленные дали:
Нет, не заслугой в тот зловещий год,
А высшей честью девушки считали
Возможность умереть за свой народ.*

Передо мной три книги Юлии Друниной. Годы издания первых – 1978, 1988 (Москва), год издания третьей – 1993 (Москва). Первые подписаны мне Юлией Владимировной, третья – ее дочерью Еленой Липатниковой, составителем книги поэта.

В октябре 1978 года в Крым из Москвы приехала большая группа поэтов и писателей – участников «Дней советской литературы в Крыму». Стихи звучали у моря, на полевых станах, в маленьких и больших залах сельских клубов и городских дворцов культуры. На встречах звучали восторженные аплодисменты. Крымчане любили стихи, дарили бесчисленные букеты осенних цветов, просили у автора бесконечное количество автографов. Юлия Владимировна и Алексей Яковлевич Каплер везде были вместе.

Снимали мы их на черно-белую пленку для моей программы на крымском телевидении. Такими они и сохранились в телеархиве. Отдельно негатив, отдельно голос Юлии Друниной.

Вот что она сказала в интервью: «Примерно двадцать лет ранней весной, где-то в апреле, и поздней осенью – в октябре я приезжаю в Коктебель работать. В Москве суeta, а здесь хорошо работает. Много стихов здесь написано. О Крыме целый цикл – тридцать стихотворений. Я приехала первый раз молодым человеком. Стихи писала о любви, о войне, о друзьях. Если я скажу, что люблю Крым, – не буду оригинальна. Многие любят Крым. Здесь красота. Я ощущаю острое противоречие между красотой природы и трагедией, которую пережила эта земля. Эпопею Аджимушкай, десанты Феодосийский, Керченский и здесь, в Коктебеле. Здесь партизаны сражались, голодали, гибли – самое страшное, что пережили люди. До сих пор прибой выносит патроны, каски. Я здесь нашла колючую проволоку – следы войны. Каждая пядь этой крымской земли полита кровью. В каждом городе есть Партизанская улица, в каждом приморском поселке улица Десантников. Для меня все это дорого».

*Только буки да грабы,
Только грабы да буки
Тянут к солнцу
Сплетенные намертво руки.
Черный лес,
Обжигающий холодом лес,
Под шатром
Добела раскаленных небес,
Тишина.
Только ветра
Приглушенный ропот.*

*Тишина.
Заросли партизанские тропы...
...Только буки да грабы,
Только грабы да буки
Здесь остались, дрожа от бессилья и муки.
Только плачут холодные капли дождя.
Только люди бледнеют, сюда забредя.
Черный лес,
Партизанский обугленный лес
Под сияющим куполом южных небес.*

А потом было 20 ноября 1991 года и центральные газеты с вестью о чудовищном решении поэта-фронтовика Юлии Друниной.

«Почему ухожу? По-моему, оставаться в этом ужасном, передравшемся, созданном для дельцов с железными челюстями мире такому несовершенному существу, как я, можно только имея крепкий личный тыл... А я к тому же потеряла два своих главных «посоха» – ненормальную любовь к старокрымским лесам и потребность «творить»... Правда, мучает мысль о грехе самоубийства, хотя я, увы, неверующая. Но если Бог есть, он поймет меня... Обнимаю, прости, живи долго», – из записки подруге Вэле Орловой.

«Рукопись новой книги лежала на видном месте. Юлия переплетала – сама – ее всю. Дала и название: «Судный час», – из предисловия Татьяны Кузовлевой.

Вот эта книга Юлии Друниной. И автограф, теперь уже оставленный не ее рукой, а рукой ее дочери – Елены Липатниковой.

При нашей встрече Лена вспоминала:

– Она человек сложный, неоднозначный, и для нее понятие семьи не существовало. Ей нужен был рыцарь, и у меня с ней не очень теплые были отношения. Она к себе не

очень подпускала. В последнее время, когда она потеряла многих близких людей, мы сблизились. Перезванивались часто, вместе бывали на даче.

– У вас была своя жизнь, или ее стихи вас окружали? – спрашиваю я.

– Нет, у меня была своя жизнь. Я очень люблю животных. Но в последнее время стала писать о животных рассказы. Это с ее подачи, она хорошо на лошади ездила. Я окончила ветеринарную академию, последнее время ушла в тренеры, вспомнила, что была чемпионкой. Благодаря этой работе я как-то ожила, воскресла.

– Как она называла вас в детстве?

– Ленуха.

– Мама посвящала вам стихи?

– Да, «Наказ дочери» – хрестоматийное стихотворение. «О шинели» я упоминаюсь. И еще одно. Больше нет.

– Вы как читатель, как относитесь к поэзии Юлии Друниной?

– Сложный вопрос. Я с детства варилась в этом – мне это не очень нравилось. А вот когда прошло время, когда простые люди читали, я поняла, что это очень сильная поэзия. Я ее недооценивала.

– Трудно спросить... Как вы относитесь к тому, что она сделала?

– Мы всегда этого ждали и боялись. Она человек сильный, но в это время она не смогла бы жить. Тут, я считаю, что она даже права была. Сейчас ее сверстники мучаются.

– Вам от нее что-то осталось? Записка?

– Была посмертная записка и мне. Она давно это задумала. Она пожелала мне счастья.

– А у вас сейчас есть хоть капелька счастья?

– Да, вот сейчас эта романтика, эти животные поддерживают меня.

– Рядом есть кто-нибудь?

– У меня дочь. Уже взрослая. Ее отец … он хороший человек, но так получилось, что мы разошлись. У меня много друзей.

– Как вы… вот Юлии было 16 лет, она прибавила себе год, ушла на фронт, а как вы бы поступили?

– Наверное, так же. Она сорвиголова. Я такая же. Недаром на пятом десятке лет ушла на такую трудную работу. Она лезла в самые эпицентры событий. Она бесстрашная.

– Смотрите, у меня записан ее адрес московский.

– Да, там живет моя дочь с отцом.

– Значит, по-прежнему, это друнинский адрес?

– Да.

– Вы ходили тропками ее?

– Да, вчера я шла сюда из Коктебеля пешком. И с дочерью шли пешком.

– Что для вас Крым?

– Это состояние души. Я не любила старокрымские буковые леса, они очень темные. Там партизанские тропы. А она их очень любила. Стихи о них есть. А коктебельские места – это Рерих, это лунный пейзаж. Ваши места не оставляют равнодушными никого, меня тоже. Мама любила приезжать в мае и осенью.

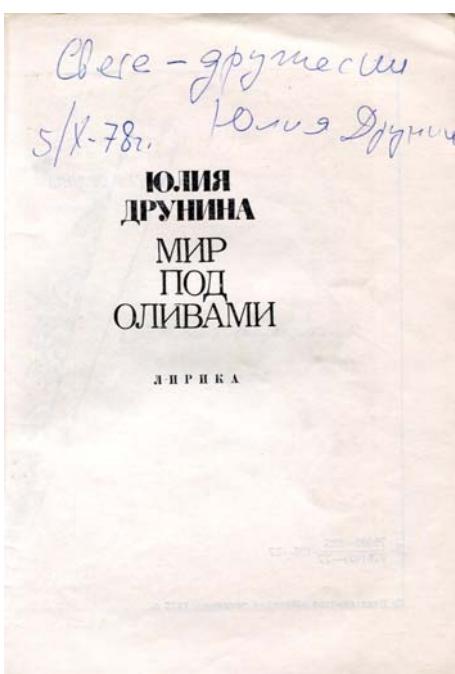
Каждый год 10 мая, в день ее рождения, ставший днем ее памяти, в Старый Крым стекаются людские ручейки. В здании Старо-Крымского историко-культурного заповедника, в зале городской библиотеки, носящей имя Юлии Друниной, все посвящено Ей. И Ее Любимому.

Телеграмма из Москвы: «Джанкой, поезд тридцать первый, вагон тринацатый, место двадцать пятое. Пассажиру Друниной. Доброе утро. Каплер».

Записка в день рождения Юлии: «Поздравляю тебя, чудо, случайная искорка! Есть большой, настоящий счёт,

который нам дано только редко-редко, да и то не до конца, понять. Но он есть. И по этому счёту, моя, наша Прекрасная, Светлая, Одноштучная, Кланяюсь тебе в ножки...»

*Наши души
сильны и гибки —
Привыкаешь к беде, к войне,
Только к чуду твоей улыбки
Невозможно привыкнуть мне...*

Четверть века длилась любовь Юлии Друниной и Алексея Каплера. Старый Крым в мае пахнет сиренью. Она любила май. А в нем — две даты: 9 мая — День Победы, 10 мая — день рождения. Эти две даты сливались для нее в одну, потому что вытекали одна из другой. И становились бинтами ее строчки — «для раненых, для обожженных душ». И еще потому, что всю жизнь до последней минуты она старалась служить людям.

Фотографии подарены Юлией Друниной и ее дочерью Еленой Липатниковой

Они были актерами

«Этот человек – романтик... Его все любят, все уважают и ценят. Он умный, интересный и очень добрый», – так писала о своем муже, актере Анатолии Добкевиче актриса Александра Перегонец. Они познакомились задолго до войны. В 1932 году уже вместе приехали в Симферополь и вскоре стали ведущими артистами драматического театра им. Горького. Первые залпы Великой Отечественной войны застали их на гастролях в Севастополе. Разве могли они предположить, какие трагедийные роли доведется им сыграть! Не на сценических подмостках, а в жизни.

Анатолий Иванович Добкевич ценой своей жизни одержал нравственную победу. В феврале 1942 года он был расстрелян.

Из книги «Храм Мельпомены», автор – руководитель литературной части Крымского академического театра им. Горького Людмила Касьяненко: «Анатолию Ивановичу не суждено было стать членом подпольной группы работников театра. Но его героический дух вдохновлял коллег на борьбу с оккупантами. И память о нем, как и о героях-подпольщиках, жива».

И снова они выходят на родную крымскую сцену. Их служба театру и родине продолжается. Теперь уже в спектакле «Они были актерами».

Когда постановка была еще только задумана, режиссер Анатолий Григорьевич Новиков в годовщину гибели актеров-подпольщиков сказал в присутствии всего театрального коллектива: «Мы стараемся жить и играть так, как жили и играли бы они. И мы всё сделаем, чтобы память о них была вечной».

Спектакль был поставлен. И живет на сцене театра уже несколько десятилетий.

Мастером психологического нюанса, пастельных красок называли Александру Федоровну Перегонец театраль-

ные критики. В ее игре всегда подкупала предельная искренность, нежность и чистота. Она оставалась верной своему земному долгу – нести людям волнующие мгновения встречи с искусством. И когда судьба призвала ее

исполнить высший долг служения Родине – она исполнила его.

Каждый год, 10 апреля, у мемориальной доски на здании Крымского академического русского драматического театра им. Горького на перекличку собирается вся труппа.

И первыми называются фамилии участников подпольной группы «Сокол», расстрелянных фашистами за три дня до освобождения Симферополя – 10 апреля 1944 года. Они навечно занесены в состав театра:

Николай Барышев, художник

Александра Перегонец, актриса

Дмитрий Добросмыслов, актер

Зоя Яковлева, актриса

Илья Озеров, костюмер

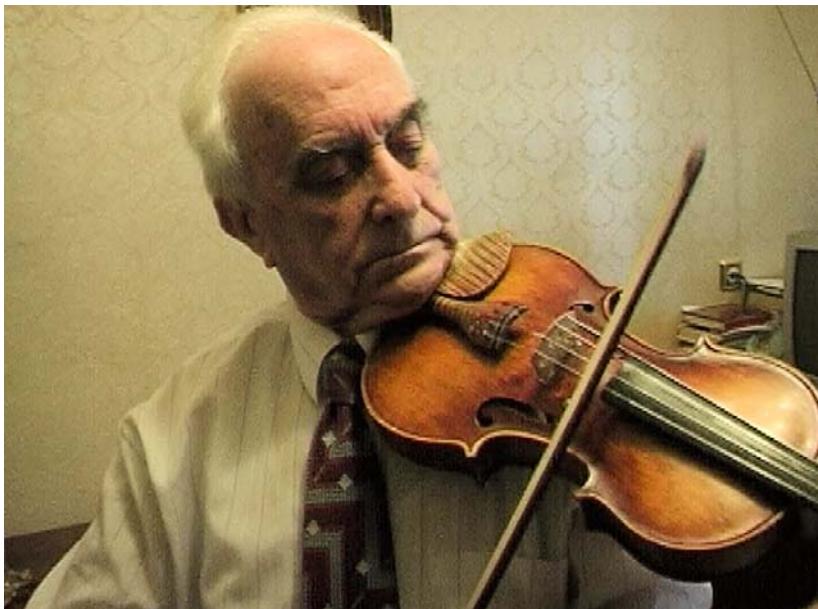
Павел Чечёткин, машинист сцены

Прасковья Ефимова, уборщица

Олег Савватеев, ученик художника

Изяслав Жорницкий. Рапсодия его жизни

Звучит «Молитва всепрощения». И хотя в этой скрипичной мелодии нет слов, она многое говорит людям, в чьей памяти живы все огневые дороги их юности и фронтовые друзья, не встретившие Победу, ради которой отдали свои жизни. Памяти павших посвятил свою «Молитву» ее автор – Изяслав Семёнович Жорницкий.

Скрипка для Изяслава Семёновича – это, можно сказать, продолжение его самого. Ее голосом он мог выразить всё – печаль, надежду, радость, любовь. Ему минуло всего 10 лет, когда впервые в его руках зазвучала скрипка. Значит, вместе они были больше 75 лет! Всегда – вместе. Даже на фронте, в самом пекле боев – под Сталинградом и в донских степях. Наверно, страницы книги «Рапсодия моей

жизни» ему напела тоже скрипка. В ней каждая глава – это «Вариации» на темы детства и первой любви, родных симферопольских улиц и фронтовых дорог. В ней всё, чем была наполнена жизнь ее автора. Свою книгу он посвятил родителям, погибшим от рук фашистов.

В его комнате много книг, нотных альбомов, вырезок из газет, фотографий. Здесь же – смешная кукольная фигурка – копия музыканта со скрипкой и смычком, выполненная мастерами Крымского театра кукол. Он прошел по дорогам войны вместе со своим «вечным» инструментом – скрипкой. Играли в редкие минуты отдыха для однополчан – и тогда отступала военная гроза, и тогда вспоминали дом, родные места, любимые глаза.

Звучит рапсодия жизни музыканта. Он открывает свое прошлое скрипичным ключом и одна за другой возникают музыкальные картинки:

1940-й год. Первая творческая награда – молодой скрипач Изяслав Жорницкий – лауреат конкурса исполнителей произведений Чайковского.

1943-й год. Первая боевая награда – медаль «За оборону Сталинграда». Ранение, госпиталь, после войны – учеба в Московской консерватории, работа в ансамбле песни и пляски Черноморского флота, в оркестре Крымской филармонии, в русском драматическом театре им. Горького.

Он пишет музыку к спектаклю «Они были актерами», удостоенному Золотой медали и Государственной премии СССР.

В концертах звучит его сонет «Мадонна» на стихи Пушкина. Своим звездным часом Изяслав Семёнович считал участие в Международном фестивале еврейской музыки в Лондоне. Ему было почти 80 лет. Но скрипка его звучала, как всегда, молодо.

Большая и красивая жизнь Изяслава Семёновича Жорницкого была наполнена музыкой и добрыми делами. Он воспитал многих скрипачей. И даже, когда играть становилось всё труднее, он старался помочь юным музыкантам, хотя они и не были его учениками. Но как не передать все нюансы игры, как не рассказать им о тех тончайших нитях, что должны связывать скрипача с его инструментом! Он верил в талант юных музыкантов, в их преданность искусству.

Олег Грачев. Его главная тема – мирный Крым

Аллея Гагаринского парка в Симферополе вся пронизана лучами солнца. Теперь здесь тихо... Давно отшумели майские праздники. Отгромели марши и салюты в День Победы. Теперь здесь тихо... Жаркое солнце, синее небо с четкой белизной облаков. И пламя Вечного огня... Как одинокий страж и этой тишины, и этого неистового солнца. Мы идем по аллеям парка, почти пустынным в этот полуденный знойный час. Олег Валерьевич вспоминает годы войны.

Всё живо в его памяти. И то, другое пламя, всё сжигающее на своем пути, – пламя войны, в котором горела его юность и юность друзей, и жизни многих и многих миллионов людей, вставших на защиту Отечества. Вспоминая о дорогах войны, приведших его к Берлину, он говорит о том, что война «разорвала» его юность как бы на два периода: оккупация (в первые годы войны он жил в Симферополе) и фронт. Участие в боях – а он был рядовым солдатом – оставило неизгладимый след в его душе. Но, пожалуй, оккупация была пострашней. Он знал многих работников Симферопольского драматического театра, погибших в апреле 1944-го от рук фашистов, но только позже

узнал об их подпольной деятельности. В эту группу входил и его друг Олег Савватеев. Они вместе учились в Симферопольском художественном училище им. Н. Самокиша.

Олег Валерьевич родом из Подмосковья. Но истинной его родиной стал Крым. Наверно, нет такого уголка в Крыму, где бы он не был. И нет такого уголка, который бы снова и снова не открывался ему другой, неведомой гранью. Душевный талант художника способен к бесконеч-

ным неожиданным открытиям. А они – эти открытия – в каждой его картине.

Его главная тема – мирный Крым. Крым величественной красоты, гармонии, которую художник пытается найти и в людях. Но человек, со всеми его слабостями и противоречиями, не стал героем его полотен. И только те, чьи чистые и высокие образы хранят его душа, запечатлены в одной из самых значительных работ на военную тему – в картине, посвященной фронтовым друзьям.

Мастерская Олега Грачева – центр его мироздания. Волшебная раковина с тремя распахнутыми створками: в небо, в ветер, в солнце. За ее стенами течет время. На его полотнах оно замирает, чтобы во всем величии и целомудрии, вопреки сиюминутности, войти в грядущее. Правда, художник об этом не думает, когда колдует над радугой своей палитры. Семь цветов радуги, как семь нот у музыканта.

Но сколько оттенков, перетеканий, тонов, сколько сочетаний, сколько неожиданных цветовых открытий, если этим повелевает вдохновение истинного таланта.

Мастерскую для Олега построил отец. Он не был художником, но ценил любой талант в человеке.

У таких художников, как Олег Грачев, не бывает легкой жизни в искусстве. Они словно созданы для того, чтобы в спорах с конъюнктурной сиюминутностью рождать истину для будущих времен. Именно так – живописью будущего – называли картины Грачева его зрители – единомышленники еще в 1960-х годах. Его творчество резко отличалось от официоза в искусстве. Он никогда не писал парадных полотен. Никогда «идейные» соображения не заставляли его браться за кисть. Потому, наверно, с таким трудом «допускались» картины Олега Грачева на всевозможные отчетные и праздничные вернисажи. Зато именно его персональные выставки состоялись в Москве в Цен-

тральном Доме работников искусств – в 1970; и в Центральном Доме литераторов – в 1978. Картины Грачева приобретают музеи России, Германии, Японии, Италии, Израиля, США.

Искусству отдана вся жизнь. И только в 2000 году он получил звание заслуженного деятеля искусств Автономной Республики Крым. Но столь поздним признанием не был огорчен, ибо все десятилетия его творчество оставалось неподкупным.

К теме войны он не мог не вернуться. Своим сверстникам, оставшимся навсегда юными, Олег Грачев посвятил монументальный триптих – волнующий живописный рассказ о несбывшихся мечтах и суровой правде жизни, такой короткой, но такой вечной.

Олег Валерьевич говорил, что не умеет навязывать никому ни своих мнений, ни своего примера. Новое поколение живет по-своему, оно само должно найти себя, выбрать свой путь, а старшее должно без поучений, а просто примером собственных поступков, собственной жизнью «учить» молодежь.

«Дело в том, что право называть себя сыном той земли, на которой живешь, дает не рождение на ней, а любовь, служение этой земле, служение искреннее и бескорыстное».

Эти строки взяты из очерка Георгия Когонашвили об Олеге Грачеве. И знаете, чем они особенно ценны? Тем, что написал их не журналист, не литератор, а художник.

Вся философия жизни Олега Грачева – яростное не-приятие войны, и его глубокое воплощение – картина «Мужчины с оружием». В ней – вечная готовность к защите Отечества.

Борис Серман. Мои стихи документальны

«Фронтом начинались дороги. А фронт начинался в нашем городе, на нашей улице, в нашем доме», – напишет Борис Серман.

И когда разлучены войною,
Шли от нашей Родины вдали,
Это солнце мы несли с собою,
Это небо в сердце мы несли.

Публицист, поэт, драматург, защитник человеческого достоинства. Разве мог он быть другим! Мужество всегда владело его творческими порывами и поисками.

*Мир в пестром празднике цветов.
В нем – ярость моря,
яркость полдня.
Ты через рубежи годов
Шел, красотою сердце полна.
Теперь к тебе ведут пути
В мир, что твоей мечтой
расцвечен.
Твои дороги – позади.
Тебе остались только встречи.*

Поэт посвятил эти строки памяти своего друга художника. Но теперь и его дороги позади. Жизненные. Но не поэтические. Они продолжают вести нас в его мир, который тоже был расцвечен мечтой. Они зовут нас на встречи с его стихами, рожденными на фронтах Великой Отечественной и во все годы его большой жизни, полной боли за каждого обиженного человека.

*Поэзия пост свой несет
Бессонный – при сердце, при деле.
Живем на высоком пределе,
Не ждем от поэзии льгот.*

Борис Евгеньевич Серман был на передних рубежах войны. «Моя дивизия – 337-я стрелковая. В ней прошагал я три года из четырех лет минувшей войны».

*Газетчиком дивизионным
Я полземли исколесил.
Шел по дорогам обожженым,
Спал на снегу и грязь месил.
Но всё в душе таится где-то
Укор, что в чём-то виноват...*

А «виноват» он, если здесь уместно это слово, - только в одном, что не было его среди друзей, собравшихся в Союзе писателей в мае 2012 года, давно не видно было его на улицах любимого им Симферополя, не звучал его взволнованный голос в кабинетах высоких начальников в защиту правды и справедливости. Каждый, кто пришел на вечер, посвященный 100-летию со дня рождения Бориса Сермана, принес в своей душе светлую память о нем, незабытые строки его стихов. В крымской столице много уголков, где любил поэт бродить, размышлять, мечтать. И, быть может, не одна поэтическая строка запела в его душе у памятника юному Пушкину.

*Какая пушкинская осень!
Кружится
Легкая
Листва.
Мой город. Улицы, где рос я,
Мои заветные места.*

*На перекрестке этих улиц
Сошлись два века.
Молодым
Вы снова в город мой вернулись,
Чтоб не расстаться больше с ним.*

Борис Евгеньевич Серман родился в Минске майским днем 1912 года, но с юных лет жил в Крыму. Беспризорное детство пришлось на Гражданскую войну. Родители были арестованы. Какое-то время воспитывался в детдоме. Учился в Симферопольском пединституте на литературном факультете. Потом работал в Крымском радиокомитете редактором детских передач. На фронт ушел добровольцем. С Крымом ему пришлось расставаться надолго

только два раза. Первый – когда началась война. Рядовой Борис Серман пережил горькие дни отступления, осажденный Севастополь, ожесточенные бои на Курской дуге,

затем наступления советских войск через Днепр, Дунай, Австрийские Альпы. От Крыма до Вены прошел он бесстрашным военным корреспондентом. Вернулся в Симферополь орденоносным офицером. И второй раз он оставил Крым в тяжелый период жизни, когда из-за болезни внучки вся семья пере-

ехала в Израиль. Но вернуться ему уже не довелось.

Разве можно в несколько строк вместить всю жизнь? Она – в его книгах, в которых гражданская и лирическая поэзия переплется с документальной прозой, с пронзительными очерками и статьями, что помогли восстановить добрую память о севастопольских подпольщиках, вернуть из забытья большого поэта России Григория Петникова, собрать воедино письма, воспоминания, документы, фотографии – все свидетельства о подвиге партизан, солдат, командиров и комиссаров подземного гарнизона Аджимушкай. Сборник «В катакомбах Аджимушкай» выдержал несколько изданий. Первое – вышло почти 60 лет назад.

«Они вошли в мою жизнь, – пишет Борис Серман в предисловии к циклу стихов «Десятый круг», – они стали моей судьбой – Аджимушкай и его люди – солдаты, матери, дети. Они продиктовали эти строки, ставшие песнями в телеспектакле, стихами в кантате композитора Георгия

Успенского, подписью к аджимушкайским полотнам художника Николая Бута и просто поэтическим признанием духовной красоты удивительных людей – защитников и мучеников керченского подземелья».

Почти 20 лет отдал Борис Евгеньевич расследованию этой трагедии. Она глубоко отозвалась в его сердце, а значит – и в его поэзии.

*На миг, покинув небо
голубое,
Войди в провал, где ночь
обнажена.
Там – полная любви и боли,
Надежды и проклятий
тишина.
Ведут рассказ обугленные
камни,
Солдатская земля,
Аджимушкай.
Легенда-быль, не умолкай
веками,
Живым сердца и память
обжигай.*

В одном из последних интервью Борис Евгеньевич сказал:

– В песне есть такая строка: «Не стареют душой ветераны». Во всяком случае, мы стараемся не стареть, стараемся работать. И, как все мои товарищи, которые прошли через войну, в меру своих сил помогаю молодым. Мы, фронтовики, вносим свой скромный вклад в общее дело, потому что и сегодняшнее время требует веры, рыцарства, воли, мужества.

Илья Сельвинский. Я жизнью за тебя в ответе

«Крым! Дорогая моя Родина. Детство мое, гимназия, ранние стихи... У меня такое чувство, что я сам вылепил Крым, своими руками, из гор, моря и солнца...».

Голос Поэта. Он звучит в его родном доме.

«В городе Симферополе, – писал Илья Сельвинский, – есть залитый звоном колоколов переулок такой крошечный, уютный, занятный, что кажется архитектурной иллюстрацией к сказке Андерсена. В этом переулке, который называется Бондарным, стоит двухэтажный дом с шестью античными головками на фронтоне. В этом доме я родился в 1899 году, головки вылеплены в честь моих сестер, а волны колокольного звона стали первым поэтическим ощущением».

И теперь, спустя многие десятилетия, в мемориальном Доме-музее, звучит голос Ильи Львовича и наполняет жизнью всё, что собрано в его залах, где каждая фотография и каждый предмет рассказывают о судьбе выдающего-

ся поэта XX столетия, корреспондента фронтовых газет, крымчанина по рождению, патриота любимой России.

*И в час большого испытанья
Мне крикнуть хочется:
«Я твой!»
Я твой! Я вижу сны твои,
Я жизнью за тебя в ответе!
Твоя волна в моей крови,
В моей груди не твой ли
ветер?..*

Из письма Ильи Львовича жене Берте Яковлевне 25 августа 1941 года:

«Итак, я опять в Крыму. Как и в 1918-ом, мне снова судьба защищать всё тот же Турецкий вал от тех же немцев... Я назначен «на должность писателя редакции армейской газеты», как сказано в приказе... Просто не представляю себе, как бы я мог быть сейчас в тылу!.. Я не про менял бы своих боевых лишений на мирное существование».

«Январь, 1942 год. Керчь. Попал я в нее с десантом. У села Багерово в противотанковом рву – 7 тысяч расстрелянных... Женщин, детей, стариков... И я их видел. Об этом писать в прозе не в силах».

*Можно не слушать народных
сказаний,
Не верить газетным столбцам,
Но я это видел. Своими глазами,
Понимаете. Видел. Сам,
Вот тут дорога. А там вот –
взгорье.
Меж ними*

*вот этак
ров.*

*Из этого рва подымается горе,
Горе без берегов...
Ров... Поэмой ли скажешь о нем?
Семь тысяч трупов.
Семиты... Славяне...
Да! Об этом нельзя стихами:
Огнем! Только огнем!*

И другое – раздирающее душу зрелище предстало перед глазами поэта.

*Кто всхлипывает тут? Слеза мужская
Здесь может прозвучать кощунством.
Встать!
Страна велит нам почести воздать
Великим мертвцам Аджимушкай.*

*Воспрянь же, в мертвый погруженный сон,
Подземной цитадели гарнизон!..*

*Исполнены священного волненья,
В тебе легенду видя пред собой,
Шеренгами проходят поколенья,
Идущие из подземелья – в бой!*

В ночь со 2 на 3 ноября 1943 года военкор подполковник Илья Сельвинский был участником десанта бойцов 2-й и 55-й гвардейских стрелковых дивизий 56-й Армии. И 11 ноября советские войска освободили поселок Аджимушкай. Увиденное в каменоломнях потрясло поэта: «Много встречал людских трагедий, но подобного не мог себе даже представить».

Первая публикация стихотворения о подвиге аджимушкайского гарнизона состоялась в газете «Вперед за Родину» 2 декабря 1943 года.

«Родина моя – Крым! Я узнаю тебя после твоего двухлетнего плена. Города разрушены, деревни дымятся. Но небо твое, море твое, твои горы и степи – те же. А главное – те же люди, которые любят тебя и никогда никому не отдадут!»

Из 112 дней Крымского фронта, противостоящего фашистским захватчикам, 105 дней Сельвинский находился на Керченском полуострове. Потом были Кавказ и Кубань. Военный корреспондент Илья Сельвинский награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени.

*Умей в грядущее взглянуть,
И в нем найти Отчизну сновы,
Чтобы твоя дышала грудь
Не только дымкою былого,
Чтоб вечной ценностью людской
Сlyла душа, а не анкета,
Чтобы народ любил поэта
<...>*

И если молодежь сегодня обращается к его поэзии, значит ею услышаны эти молитвенные строки: «Народ! Возьми хоть строчку на память!»

*Стихи, как сны,
Над ними власти нет,—*

писал Сельвинский. Но сам он был всю жизнь во власти поэзии и России. И всю жизнь, до последнего дня любил Крым.

Георгий и Сергей Овчаренко. Отец и сын

Там, на самом краешке изумрудного морского полотна, будто сказочное видение, вырисовывается город. Легкая весенняя вуаль тумана придает ему еще больше таинст-

венного очарования. Но во время шторма волны с ревом набрасываются на берег, где в последнем отчаянном броске навечно застыли три матроса. И звучит сквозь ветер и шум прибоя голос поэта, словно сама евпаторийская земля отзыается на подвиг героев-десантников взволнованными поэтическими строчками.

*Ни к чему слова, излишни клятвы,
Вы решили биться до конца...
Тельники и чёрные бушлаты
Защищали души и сердца...*

*Чудом, но сумел в каменоломни
Поредевший отойти отряд.
Мы должны их поименно помнить
Жизни положивших здесь ребят.*

*А забудем — у морского среза
Прочно утвердились на песке
Три матроса, тройка острых лезвий,
Слившихся в отчаянном броске...*

В каждом городе, в каждом селе, над которыми проносятся смерч войны, есть свое святое место. В Евпатории это — Красная горка.

*Майским солнечным днем,
Позабыв о своем,
По велению памяти горькой,
Землякам поклониться погибшим придем
Мы с цветами на Красную горку.*

Поэтические строки принадлежат Сергею Овчаренко, сыну фронтовика. Он не шел в штыковую атаку, не горел в подбитом танке, не терял в бою друзей, но в своих стихах — он тоже солдат. Солдат Великой Отечественной.

*Беру письмо и сердцем чувствую отца
Среди событий необыкновенных.
Его дорога от родимого крыльца
Главнее всех в огне дорог военных.*

«Журавлиное счастье войны» — так назвал поэт свой сборник, изданный к 65-летию Великой Победы. «Война и счастье» — рядом? Именно — рядом, когда в далеком тылу матери, жены, невесты ждали от любимого человека письмецо-треугольник. И летели треугольнички — словно

журавли через все фронты и приносили в родной дом счастье.

Главное место в сыновнем сердце поэта принадлежит самому родному человеку – отцу, гвардии старшему сержанту Георгию Васильевичу Овчаренко, прошедшему с боями с первого до последнего дня войны.

«Забывчивость достойна укоризны. Любовь и память – две опоры жизни», – пишет Сергей. – Мы должны делать всё, чтобы эта, очень тонкая, но такая крепкая нить памяти никогда не рвалась, – говорит он.

В его руках шкатулка, где хранятся отцовские боевые награды, а рядом – его, поэтические:

– В шкатулке не хватает одной боевой медали отца – «За оборону Сталинграда». Она хранится в музее, – рассказывает Сергей. – А на ордене Красной Звезды нет эмали. Под Прохоровкой в страшном танковом сражении этот орден спас отцу жизнь; осколок попал в него, на правую сторону груди, где на клапане гимнастерки и был этот орден.

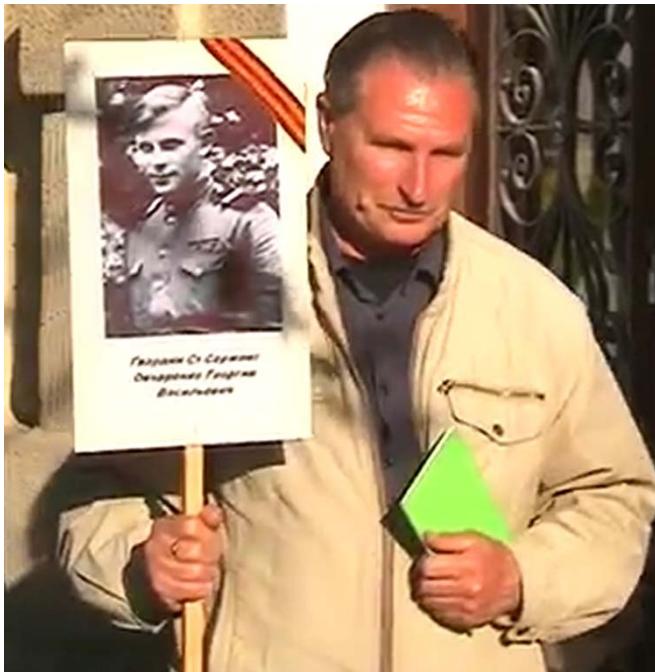

Начинал воинскую службу Георгий Васильевич Овчаренко в рядах Красной Армии еще в 1939 году курсантом 9-го автотранспортного полка. Его фронтовые дороги стали настоящим испытанием на мужество и верность солдатскому долгу. Самые страшные, но и самые героические сражения выпали на его долю. Он был участником Сталинградской битвы и боев на Курской дуге. Но и там, в огне великих битв, в боях за освобождение Будапешта и Вены в сердце закаленного бойца продолжала звучать музыка юности, которой увлекался с детства. Ему и всем его друзьям – участникам музыкального оркестра сын посвятил поэтические строки, полные нежности и любви: «Был тот вечер бархатен и ласков...» Книгу Сергея Овчаренко «Журавлиное счастье войны» хочется назвать его главным поэтическим трудом. Книгу, на каждой странице которой ее автор, родившийся спустя восемь лет после войны, словно сам становится ее непосредственным участником, получившим право на такие строки:

*Боль тех потерь вдруг остро испытав,
Хотя давно Победы реют стяги,
Я за друзей отца довоевал
И даже расписался на рейхстаге.*

В Евпатории, на улице Урицкого есть старый дом. Он почти не изменился. Тот же балкон, с которого Сережка Овчаренко смотрел, собирались ли уже его друзья, чтобы бежать на море. В этом доме живут теперь другие люди, но Сергею он очень дорог, ведь здесь прошло его детство под надежным крылом отца.

Сергей Овчаренко – член Союза писателей России, лауреат премии Республики Крым, премии города Евпатории им. Семёна Дувана, Всероссийской премии им. Николая Гумилёва, автор нескольких поэтических сборников.

В одном из стихотворений, помещенных в сборнике «Русское время Крыма», который вышел в свет в 2016 году, Сергей пишет:

*Мы – веточки и листья Древа жизни...
Сменяет зелень пожелтевший плод...
И не нарушают вечный переход
ни бури, ни иные катаклизмы...*

*На Древе этом дорог лист любой...
Храни его и Вера, и Любовь.*

Крепка сыновняя любовь и вера в отцовскую мудрость, завещанную новому поколению.

Ольга Федорина и Владимир Кондратьев. Их фронт и сцена

Они часто приходили к Вечному Огню. Молча стояли. И перед их взором проходила юность. Боевая юность. Вспоминали фронтовые дороги, своих товарищ по оружию.

Ольга Павловна Федорина и Владимир Иосифович Кондратьев – люди в Крыму известные. Они были артистами. Многие годы служили в Крымском академическом русском драматическом театре им. М. Горького. В канун 55-летия Великой Победы получили высокие награды: Ольга Павловна – орден «За мужество», Владимир Иосифович – орден Богдана Хмельницкого.

Они ушли на фронт юными, даже не мечтая

об актерской судьбе. Их фронтовые дороги не пересекались. Встретились после Победы. И уже вместе шли по жизни, выходили на одни сценические подмостки. Годы, конечно, брали своё. Беспокоили старые раны. «Чаще ранит душу сегодняшнее время, – говорила Ольга Павловна. – Но, смотрю, солнце светит, детвора бегает – и легче становится».

У подножия «Вечного огня» Владимир Иосифович как-то сказал: «Я всегда ощущаю вину перед павшими. Мы

обязаны им. И должны за них и жить, и дело делать». Он сыграл более девяноста ролей на сценах разных театров. Но самые запоминающиеся – в спектаклях Крымского театра им. Горького.

Его талант расцвел в комедийных ролях. «Когда стал артистом, – вспоминал Владимир Иосифович, – я поставил себе целью веселить людей. Ведь смех – это очень доброе дело».

А Ольга Павловна любила играть в сказках.

Ее называли «сказочная актриса». Но первую роль сыграла в кино, и далеко не сказочную – в фильме «Фронтовые подруги», снятом в 1940-м году и посвященном войне с белофиннами. Фильм обошел экраны всего Советского Союза. Героиню – медсестру Чижика полюбили и взрослые, и дети.

А когда началась Великая Отечественная война, исполнительница этой роли студентка первого курса Ленинградского медицинского института Лёля Федорина пришла в военкомат:

– На фронт? – удивился военком. – Но ведь вам еще нет семнадцати. Детей не посыпаем.

– Да нет же, – чуть не заплакала Лёля, – это Чижику в фильме нет семнадцати, а мне уже восемнадцать. Вот мой студенческий билет.

Так героиня фильма шагнула с экрана в настоящую фронтовую жизнь. На пожелтевшей странице «Комсомольской правды» за 1 июня 1943 года читаем: «Громадным успехом пользуется в Америке советский фильм «Фронтовые подруги».

Интерес к картине настолько велик, что кинематографисты Голливуда решили использовать сюжет «Фронтовых подруг», назвав его «Русская девушка».

А в это время милый, озорной Чижик, вернее, санинструктор Ольга Федорина в боях с фашистами спасала раненых. И это была уже не роль в кино, а суровая правда жизни.

В 2006 году, когда народному артисту Владимиру Иосифовичу исполнилось 80, мы снимали его в театре для телепрограммы «ЛИК». Тишина гrimёки – перед громом оваций. Сейчас он шагнет к рампе – в который раз за 60 лет службы театральному искусству! – и зрительный зал будет снова покорен его энергией, его искренностью, полной отдачей душевных сил. Еще минута наедине с собой... Еще один – привычный – взгляд в зеркало. И вдруг – из зазеркалья, из тумана прошлого словно бы простили его ушедшие годы, сыганные роли. И он с волнением всматривается в эти, почти забытые лица с высоты своих лет. Каждая новая роль, словно шаг в неведомое, в чужую жизнь и чувства. Но всё это должно стать твоим, иначе на сцене нет живого человека.

Играл в комедиях Лопе де Вега, в водевилях Чехова, в драмах Шиллера, в пьесах Островского, в постановках современных авторов. И каждая новая работа, каких бы трудов она ни стоила, приносила артисту счастье – служить театру и его зрителю изо всех душевых и физических сил.

Уж кому-кому, а Владимиру Иосифовичу с лихвой досталось испытаний на выносливость. На фронт ушел добровольцем, а было всего-то 17 лет. Десантником высовывался на Малую землю, в самое пекло войны, терял друзей. Получил четыре ранения. В родное село Покровское, что в Николаевской области, вернулся на костылях, с орденом Красной Звезды на груди.

Для поколения фронтовиков Великая Отечественная – их жизнь. Для новых поколений – это вечная память о подвиге. Артисты-фронтовики соединяют собой жизнь, творчество, память и подвиг.

Фотографии предоставлены Н.В. Кондратьевой

Владимир Ерошенко. Среди книг

*Повстречаться бы с танкистами
И сказать бы им: «Друзья!
Вы воюете с фашистами,
Воевать хочу и я».*

(Е.А. Благинина, "Хорошо бы")

Вот о чем мечтали мальчишки военного поколения. А на встречи с современными мальчишками бывшие фронтовики приходят сами. Среди них был и полковник танковых войск, прошедший огневыми дорогами войны, весь в наградах.

«Победу я встретил в Западной Белоруссии, – рассказывал Владимир Михайлович Ерошенко. – Наш танковый

полк входил в состав I Прибалтийского фронта. Трудной была дорога к Победе, но с первого дня мы верили, что одолеем врага. Участвовал в сражениях с 1943 по 45-й. Дважды горел в танке».

Владимир Михайлович вспоминал те трагические мгновения, когда они напоролись на немецкую засаду и несколько танков было подорвано. Экипаж танка, которым командовал Ерошенко, успел спастись. Но вдруг бойцы увидели, что командира с ними нет, вернулись к горящей машине. О подвиге своих друзей-однополчан Владимир Михайлович помнил всю жизнь, ведь это было его второе рождение.

С Владимиром Михайловичем нам посчастливилось встретиться в Евпаторийской городской библиотеке имени А.С. Пушкина. И не только с ним. Война ломала судьбы миллионов советских людей. Никогда не изгладятся из памяти народной 900 блокадных ленинградских дней и ночей, не щадивших ни малых, ни старых.

Елена Петровна Марухина и Олег Васильевич Кибиткин в те страшные месяцы и годы были маленькими детьми. Они выжили. И это было чудо. Прошло время. Евпатория стала их родным домом. Но невыразимым чувством боли отдаются в сердце воспоминания.

В канун 71-й годовщины полного освобождения Ленинграда от блокады в Центральной городской библиотеке Евпатории состоялась

встреча горожан с блокадниками и презентация 49-ти томов «Книги памяти», изданной в Петербурге при содействии Международной ассоциации блокадников. В этих томах запечатлены имена тех, кто погибли за 900 дней блокады, и тех, кто выжили.

Все тома переданы в дар Евпаторийской библиотеке. На одной из страниц Олег Васильевич Кибиткин нашел и свою фамилию.

ры Крыма, директор Евпаторийской библиотечной системы.

Книжные раритеты посвящены великим русским полководцам, военачальникам и рядовым солдатам, которые в разное время отстаивали на полях сражений честь и достоинство своей Родины. Их имена и деяния проложили путь через века, чтобы новые поколения знали историю нашей Отчизны и гордились подвигами своих далеких предков.

Дмитрий Малый. У музыки возраста нет

Автор «Марша ветеранов» известный крымский композитор-фронтовик, заслуженный деятель искусств Республики Крым Дмитрий Петрович Малый сегодня отмечал бы столетие. Он родился в 1923 году в Оренбурге 20 сентября, а крымчанином стал через десятилетия и полюбил Крым всем сердцем. Он руководил Симферопольским культурно-просветительным училищем и детской музыкальной школой №1. Само время вдохновляло Дмитрия Петровича на создание музыкальных произведений. Так родилась песня «Крымский мост».

Вписаны годы, словно нотные знаки в партитуру жизни. И каждый год приносил новые смыслы, рождал неповторимую мелодию. Но только память сердца способна ее

воскресить. Вот веселая мелодия озорного детства – стаккато. А вот нежная, чуть слышная – пианиссимо – застенчивая мелодия первой юношеской влюбленности.

И вдруг – крещендо – громовые раскаты войны!

Сквозь всю свою большую жизнь пронес Дмитрий Петрович Малый суровую и вечную память о Великой Отечественной, когда по огневым дорогам шли с ним любовь и долг, надежда на скорую встречу с родным домом и вера в Победу. А музыку, что всегда звучала в его сердце, он пронес сквозь все фронты: Волховский, Ленинградский, 1-й Белорусский, участвовал в прорыве блокады Ленинграда. Среди множества наград – орден Красной Звезды, орден Великой Отечественной войны II степени.

Музыка ему помогала пережить тяжелые годы. В самом начале войны он был направлен в артиллерийское училище. «Я начал там кое-чего сочинять по музыке, – вспоминал Дмитрий Петрович, – и к одной песне слова нашел и разучил ее, как на построение идем, или в столовую, мне давали баян, все курсанты поют, а я играю. <...> А после ранения в госпитале, чтобы отвлечься, я стал сочинять в голове музыку. Нотной бумаги нет, я лежачий,

операцию сделали одну, потом другую, <...> врачи хотели отнять у меня ногу».¹

После войны он вернулся в родные края, чтобы теперь шаг за шагом одолевать другой, хотя и мирный, но нелегкий творческий путь. Фронт закалил его характер, воспитал чувство высокой ответственности перед собой и людьми, научил выносливости (ведь боевые раны так и не были излечены), но не ожесточил сердце.

И раскрылась навстречу новой жизни вся лиричность его натуры. Он работал в ансамбле Южно-Уральского военного округа, сочинял песни на стихи известных советских поэтов, учился мастерству у замечательных композиторов Блантера и Мурадели. Дмитрий Петрович закончил Московскую консерваторию и аспирантуру, занимался исследованием старинных казачьих песен и участвовал в подготовке и проведении VI Всемирного фестиваля моло-

¹ Полное интервью: Трифонов Ю. «Малый Дмитрий Петрович» //Интервью с ветеранами Великой Отечественной войны. Фонд сохранения исторической памяти "Я помню" (<https://iremember.ru/memoirs/artilleristi/malii-dmitriy-petrovich>).

дежи и студентов в 1957 году в Москве. Но в памяти всегда звучали ноты-напоминания о войне. Фронтовым товарищам он посвятил целый цикл музыкальных произведений.

...Звучит «Марш ветеранов». Зал слушает, затаив дыхание. Мелодия то полна нежности юношеских мечтаний, то вдруг перед взором встают, словно озвученные, картины, на которых убеленные сединой, дорогие нашему времени люди с орденами на груди, в молчании застыли перед Вечным огнем. Они – наши земляки, крымчане, прошедшие с тяжелейшими боями огненный путь к Победе. Лица Победы – светлые, прекрасные, родные. И в их ряду – Дмитрий Петрович Малый, автор «Марша ветеранов», композитор, неустанный труженик музыкального искусства. К его боевым наградам прибавился орден «За верность долгу» Республики Крым.

Дмитрий Петрович воспитал многих талантливых учеников, ставших певцами, педагогами, руководителями ансамблей. Среди них имена, известные всем крымчанам – Ефим Заславский, Семён Вербицкий, Владимир Николенко.

Дмитрий Петрович – автор семнадцати научных трудов и более двухсот музыкальных произведений. «Весь наш Крым твои песни поет», – говорила руководитель хорового коллектива Валентина Павловна Макаренко.

Крым – его музыкальная и поэтическая родина. Потому и рождались песни в душе человека, согретой родным краем и огромной любовью к нему. Он всегда жил мечтами и порывами талантливой молодежи. А разве может быть по-другому! У музыки возраста нет.

Валентин Бернадский. Кистью трепетной и правдивой

В 2022 году отмечалось 105 лет со дня рождения старейшего крымского художника, одного из основоположников крымской школы живописи Валентина Даниловича Бернадского. Мастер увенчан наградами, званиями и народной любовью крымчан. В 2009 году Россия высоко оценила заслуги замечательного крымского живописца, присвоив ему звание Почетного академика Российской академии художеств. Его имя носит Симферопольская детская художественная школа.

Он родился в самом начале 1917 года, и никто еще не знал, какие смерчи пронесутся над страной и над его семь-

ей. Арест отца, голод, прерванная войной учеба в Ленинградской Академии художеств, блокада, эвакуация в Самарканд. Затем фронт. Каждый день и каждый час становился испытанием на верность Родине и Искусству. Он должен был выдержать всё, чтобы вернуться. И уже после Великой Отечественной войны вновь продолжил учебу в Институте им. Репина.

Неубывающей жизненной силой, в которой сливаются правда жизни и художественная правда, – всем этим полны произведения мастера живописи, народного художника УССР (1989) и народного художника Российской Федерации

ции (2003) Валентина Бернадского. Время – самый беспристрастный судья. Искусство Бернадского выдержало испытание временем. Это может казаться невероятным, но за плечами у мастера 75 лет творческой деятельности. Насколько же высокую планку для себя определил художник, как был требователен к себе и к своим работам!

Вспомним слова Гёте о том, что первоклассные произведения искусства нужно созерцать повторно, в них таится необозримая глубина. Всякий раз, когда мы оказываемся во власти прекрасных произведений живописи Валентина Бернадского, понимаем, что, пока земля рождает талантливых людей, нас вновь и вновь будет притягивать их творчество, тайны мастерства, дающие самобытные и яркие плоды, при созерцании которых наши сердца открываются навстречу всему добруму и чистому.

«Живопись, как и музыка и как поэзия, не поддаются пересказу. Живопись надо уметь видеть, уметь чувствовать», – говорил автор полотен, заполняющих выставочные залы Симферополя и других крымских городов.

В 1950 году молодой художник Валентин Бернадский был среди выпускников Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина и Московского государственного института им. Сурикова, которые заложили основы той самой крымской школы, что стала известной и ценимой во всем мире. В 1970-е годы Валентин Бернадский возглавлял Крымский Союз художников.

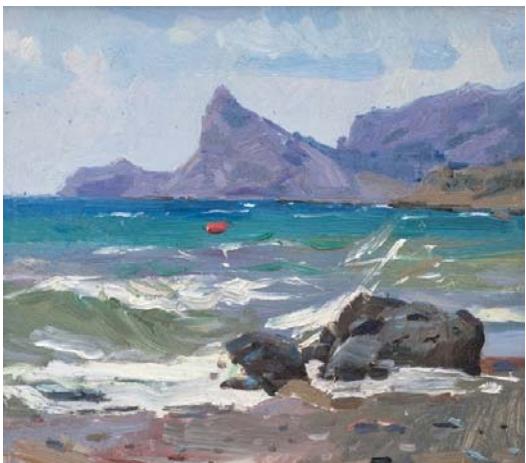
И всё же «в искусстве всё бледнеет перед чудом человеческой искренности, живой любви», – писал Валентин Данилович. Ему была дарована огромная любовь, вспыхнувшая между ним, молодым преподавателем живописи Крымского художественного училища, и студенткой училища Ниной Драгомировой. Вместе – сквозь десятилетия, сквозь радости и печали более 60 лет.

Если большую жизнь Валентина Даниловича распределить на палитре, то рядом с яркими красками детства в селе на Черниговщине, окажутся черные цвета. Он пережил столько событий, дат, встреч, радостей и печалей, что кажется невозможным, чтобы всё это вместилось в одну жизнь и в одну судьбу человека. «Я люблю жизнь, люблю живое, земное. Красоту и Гармонию во всем, и в меру сил своих пытаюсь воплотить это в своих холстах». На страницах книги, рассказывающей о его жизни и творчестве, немало искренних строк самого художника, который надеялся, что не только в среде служителей музы живописи, но и среди зрителей он обретет неравнодушных, принимающих близко к сердцу те чувства и мысли, что вложил он в свои полотна. И тогда, «оторвавшись на какое-то время от будничных и, порой, нерадостных забот, люди унесут в душе своей чувства добрые и, быть может, чуть больше любви к Природе, к Человеку, к Жизни».

Перед вдохновенным трудолюбием художника преклоняются его ученики, собратья по искусству – живописцы, скульпторы, графики, акварелисты всех возрастов и направлений. Валентин Данилович воспитал не одно поколение крымских живописцев. Но первым его учеником стал сын Геннадий, который впоследствии закончил ту же Ленинградскую, теперь уже Петербургскую академию художеств, и сегодня его имя среди ведущих российских живописцев.

Жизнь природы и жизнь человека для художника – главная тема творческого поиска. Мир в его многообразии, увиденный глазами художника, пропущенный через его душу, приходит к сегодняшнему зрителю. Валентин Бернадский и реалист, и романтик одновременно. Ему подвластны самые разные жанры – тематическая картина, пейзаж, натюрморт, портрет. Им создана целая галерея прекрасных живописных портретов – художники, ученые, писатели,

хлеборобы, виноградари, рыбаки, строители, словом, люди, чья жизнь – это труд, без которого нет счастья. Человек с его страстью, эмоциями, мечтами, поисками истины всегда был интересен Мастеру.

Город Гурзуф, где родился художник, имеет богатую историю и культуру. Валентин Бернадский – один из самых известных крымских живописцев. Его работы находятся в музеях Крыма, а также в частных коллекциях во многих странах мира. В 2003 году в Москве состоялась персональная выставка его работ в Государственной Третьяковской галерее.

Сегодня слова художника Валентина Бернадского звучат напутствием новому поколению:

– Я прошел в жизни и творчестве немалый путь и знаю не понаслышке: в Искусстве Правда и Красота нелегко даются в руки, но есть ли что-либо другое, к чему бы стоило стремиться!

Полотна Валентина Бернадского – наше живописное богатство, которым мы, крымчане, дорожим и гордимся. Его картины входят в золотой фонд музеев Симферополя, Севастополя, Бахчисарай, а также Донецка, Луганска и других музеев, его работы представлены в частных собраниях во Франции, Голландии, Англии, Америки, Японии, Италии, Греции. В 2003 году его живописные произведения экспонировались на персональной выставке в Москве, Государственной Третьяковской галерее.

Яков Басов. Творчество – это судьба

Его мастерская стояла у самого моря. Окропляли ее соленые брызги. Морские ветры дарили свои грустные напевы. И живыми сочными мазками ложились на полотна солнечные блики. Все, чем полнилась душа художника, что находила родственного в этой вечной красоте, сплеталось в воображении Мастера в волнующий и прекрасный образ земли – его родной крымской земли, которая столь

щедро наградила его и жизненным, и творческим долголетием.

Он прожил на ней 90 лет. Более полувека – на Южнобережье. Любил Алупку и под грозовыми тучами, и под ночными звездами, и в полуценном блеске жаркого моря и раскаленных улиц. Здесь рождались несравненные картины народного художника Украины Якова Басова.

Здесь во всей своей полноте раскрылся его уникальный дар акварелиста. Отсюда творения живописца отправлялись на Международные выставки, в галереи, музеи, частные коллекции многих стран. Ширился круг поклонников таланта прекрасного крымского художника. Быть может, образ Крыма, с такой выразительностью и любовью созданный кистью Мастера, и сегодня согревает чьи-то души в самых чужедальних краях. Он вообще любил дарить свои работы и был счастлив сознанием того, что его картины нужны людям.

В 2014-м, в год столетнего юбилея Якова Басова, в городах и поселках Крыма было открыто шестнадцать выставок его работ. Самая масштабная – в залах Крымского республиканского Дома художника. И каждый, кто имел счастье побывать на этих выставках, сохранил в душе высокое чувство прикосновения к прекрасным творениям мастера.

«Без тебя всего могло не быть, как без солнца не может наступить день», – такими словами посвящения своей жене Ирине Сергеевне Навротской начинает Яков Александрович Басов книгу «Творчество – это судьба», которую он писал на протяжении многих лет.

Книгу-исповедь, книгу-размышление об искусстве, о призвании, о труде. Он помнил своего учителя – академика живописи Николая Семёновича Самокиша, в студии которого учился в юные годы. Фотография, подаренная учителем, память тех лет. «Николай Семёнович пробудил во мне

то настоящее, искреннее, неистребимое художническое начало, которое я пронес через всю жизнь», — вспоминал Яков Александрович.

Яков Басов — крымчанин с рождения. После учебы в Ленинградской Академии художеств служил в рядах Красной Армии. И в его молодость своей беспощадной силой ворвалась война.

Каким бесценным счастьем оказались дни Победы и возвращение домой, в Крым, полуразрушенный, полуголодный, но в весенном цветении деревьев, в блеске моря и синеве небес.

«Я иначе не мыслю жизнь, как беспрерывную работу», — вспоминал Яков Александрович слова своего учителя, которого уже не было рядом. Отныне и до конца дней творчество стало его судьбой.

Бахчисарай, август 2008 года. Экспозиция масляных и акварельных картин Якова Басова, открывшаяся в зале Бахчисарайского художественного музея, была посвящена 10-летию дарения музею этих работ самим автором.

«Это удивительный город по живописности», — говорил он о Бахчисарае. В живописной вселенной, созданной художником, Крым всегда оставался ее центром. «Крым — во мне. И я сам — Крым. И когда мне нужно писать Крым — я пишу себя».

Его присутствие на vernisаже ощущалось во всем. Он жил в своих прекрасных творениях, в рассказах друзей,

заполнивших выставочный зал. Его образ оживал на страницах книги «Солнечный художник. Яков Басов в памяти современников».

И, конечно, в памяти его сына Александра Басова, с которым мы встретились у работ его отца. «Для меня он остается образцом мудрого старшего товарища, — сказал Александр. — Мы поднимались с ним на вершины гор и оттуда любовались морем. Конечно, возраст у меня был еще небольшой и я еще не мог в достаточной степени оценить его уникальность, но я всегда с мальчишеской радостью ждал того момента, когда время ему позволяло отправиться со мной по каким-то, еще не ведомым мне, дорогам. Это уже позже, особенно в последние годы, когда я вернулся из Якутии, был рядом с ним. И для меня время это стало временем глубокого познания его многогранной личности. Я открыл в нем не только художника, но еще и философа.

И сейчас, когда работаю над его архивами, все больше погружаюсь в его личность и в его творчество».

Симферополь, май 2011 года. Залы Крымской республиканской универсальной научной библиотеки имени И. Франко. Выставка произведений Якова Басова в рамках Дней славянской письменности и культуры.

Где бы ни встречались мы с картинами Якова Александровича, всегда ощущаем ту щедрость, которой делится с нами художник. Его работы везде уместны: и в просторных выставочных залах, и в уютных музыкальных салонах, и в строгом интерьере библиотек. «Искусство бескорыстно, – говорил он. – Надо отдавать свои чувства и щедро, и ярко».

Смотрю на картины Якова Басова – и не просто любуюсь, а вслушиваюсь в них, и они отзываются во мне музыкой. Ее не перенести на нотный стан, ее не услышать в фортепианных аккордах. Она родилась в душе не музыканта, а художника и тайнописью его кисти нанесена на по-

лотно. В своей книге Яков Александрович делится сокровенным:

– Я хочу увидеть хорошее и доброе, что дает человеку земля... Искусство – великий диалог нашей души со всем миром, со всей вселенной, требующий и нашей воли к нему.

Тема художника – всегда одна. И всегда новая.

Яков Александрович Басов прожил творчески насыщенную жизнь. Написал более тысячи полотен – пейзажи, портреты, натюрморты, сотни марин. Его непревзойденная акварель покоряет людей разных возрастов и вкусов. Патриархом крымской живописи назвали его крымчане.

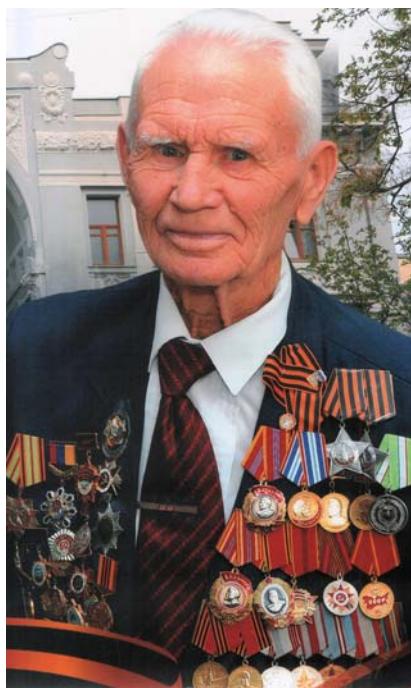
Иван Робак. Память в солдатском строю

*В цветы, в разноцветье салюта,
В песен звучание
Врезалась эта минута –
Минута молчания...*

(Поэт-фронтовик Б. Серман)

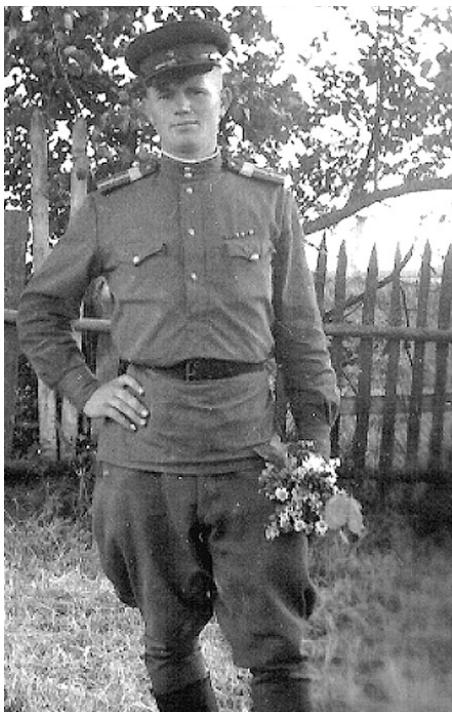
Каждый год к Вечному огню приходил Иван Иванович Робак. И каждый раз с болью замечал поредевшие ряды ветеранов, прошедших сквозь все пламена войны.

Есть у поэта-фронтовика Анатолия Никаноркина такие строки: «Тяжелые сняться мне сны, никак не вернусь я с войны».

Прошли годы, десятилетия... А память фронтовиков остается в солдатском строю. Они встретили Победу, вернулись в родные края, но сердце хранит всё ушедшее, и всё еще болят незажившие раны, и глубоким стоном отзываются в душе потери боевых друзей. Когда в дни празднования Великой Победы седые ветераны склоняют свои головы у Вечного огня, еще явственнее встают перед глазами огневые дороги и светлые лица, навечно оставшиеся молодыми.

Иван Иванович вспоминал себя 16-летнего, когда оказался в плену, в концлагере, откуда его с другими подростками должны были угнать в Германию. Это было самое страшное время. Дважды бежал. Приходилось прятаться. Потом в 1943-м началось освобождение его родных мест на Херсонщине.

Когда ему исполнилось 18 лет, он был призван в армию. Его мечта быть в рядах защитников Родины осуществилась. По окончании краткосрочных курсов получил звание старшего сержанта. В составе 51-й Армии прошел боевой путь от Перекопа до Прибалтики. Минометчик, разведчик Иван Рубак участвовал в освобождении Крыма и Прибалтики. Орден Славы II степени получил за бои на Сапун-горе при освобождении Севастополя, орден Славы III степени

– за освобождение Шауляя, где он ходил в разведку. Долгожданный День Победы встретил в Прибалтике.

После Победы еще несколько лет служил в рядах Красной Армии¹ в городе Кирове. Там и встретил свою любовь.

¹ С 1946 г. – Советская Армия

После войны переписывался и довольно часто встречался со своими боевыми друзьями. С годами – всё реже, в основном – в день Победы 9 мая.

Военных фотографий у Ивана Ивановича почти нет. Мне посчастливилось снимать передачу для крымского телевидения об этом выдающемся, но очень скромном человеке. В интервью он сказал: «Как-то не до того было на фронте, все, что сохранилось от дней молодости, снято уже после войны».

Но воспоминаний у него было много, как и у каждого фронтовика. Горьких, щемящих – о погибших друзьях. И светлых, радостных, напоенных победной весной 1945-го.

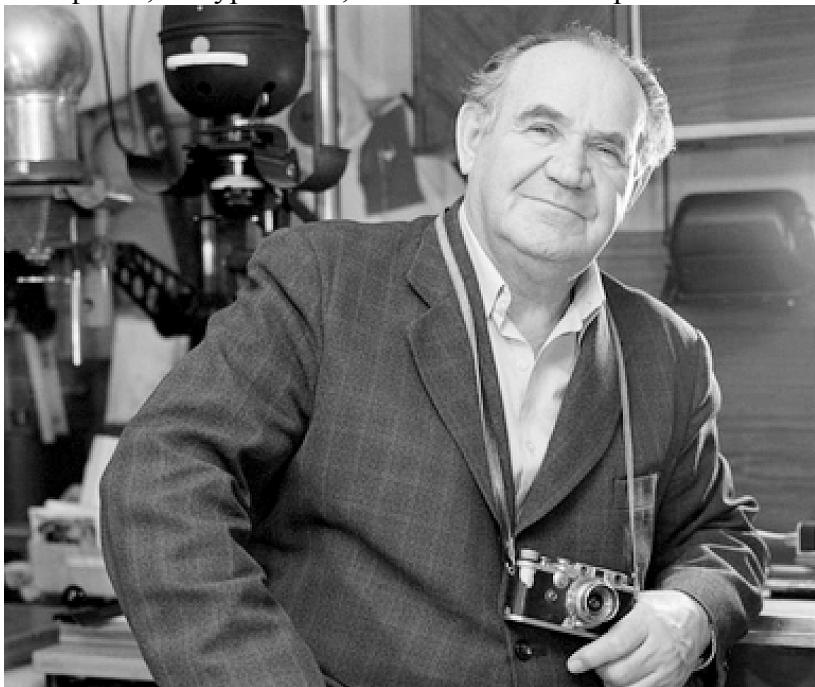
– Все годы, – говорил Иван Иванович, – мы жили мечтой об этом светлом дне, о мирном времени, о доме. И с огромной горечью приходится узнавать, что новое поколение почти не интересуется прошлым. Но больше всего возмущает, когда слышим в свой адрес невероятное, что мы, ветераны, «купили себе ордена». Это слышать очень горько. Но вера в лучшее живет в моем сердце. Я вижу, что наши дети и внуки не остаются равнодушными, и пришло время, когда новое поколение становится достойным своих отцов и дедов и их великого подвига.

Фотографии предоставлены А.И. Робаком.

Евгений Халдей. Солдатские сердца

В мае-июне 1980 года в Севастопольском художественном музее им. М. Крошицкого экспонировалась выставка работ члена Союза журналистов СССР, заслуженного работника культуры, фотокорреспондента газеты «Советская культура» Евгения Халдея. В годы Великой Отечественной войны он был военным корреспондентом ТАСС по флотам. Его военная дорога началась на Северном флоте, в Мурманске, и закончилась в Берлине.

Евгений Халдей, 1985 г., фото ТАСС (<https://tass.ru/obschestvo/16098937>)

О первом дне войны и до последней минуты – все 1418 огненных дней предстали перед нашим взором.

В книге отзывов – тысячи записей: «Спасибо Евгению Халдею за его творческую работу, которая дала нам возможность прикоснуться к тому трагическому и радостному победному прошлому, которое запечатлено в застывших мгновениях тех лет».

«Мы сегодня перелистали живые страницы войны и мира. После выставки хочется больше думать о жизни, о мире, о Родине...»

«Все, что здесь показано, – было. Но хочется, чтобы страшные годы войны никогда не повторились, чтобы всегда было чистое голубое небо и мирное счастье детей».

Мы встречались с Евгением Халдеем среди его работ, многие из которых облетели весь мир. Евгений Ананьевич рассказывал: «Севастополь... Я мечтал, чтобы выставка была именно здесь, потому что 9 мая 1944 года, за год до Победы, был освобожден город Севастополь, куда я вошел вместе с войсками. И вот ровно через год была Победа. Всё, что мной было снято здесь, на крымской земле, это и Керченско-феодосийская операция 41-42 годов, и потом десант в Керчь, и освобождение Феодосии, Ялты, снова дорога к Севастополю – всё для меня очень дорого, и всё, что здесь экспонируется, – это мои уникальные фотографии. Я не мог обойти этот город, в котором началася мой путь. 10 лет тому назад эта выставка впервые по предложению Константина Михайловича Симонова была экспонирована в Ростоке, в Восточной Германии, в портовом городе. Называлась она тогда иначе: «От Севастополя до Нюрнберга». Потом выставка демонстрировалась в Москве, в Мурманске, в Новороссийске, в Керчи, вот, наконец, она пришла сюда, в Севастополь. Мне очень трогательно здесь было ее экспонировать; потому что я встречал очень много людей, которых я снимал в годы войны, проследил судьбы, узнал, кто они теперь. И всё это было очень трогательно. Вот я стою как раз около серии снимков, которая у

меня называется «Они завоевали Победу». Здесь нет подписей, кто они, что они. Но за этими образами тысячи и тысячи людей, приближивших победу и завоевавших Победу».

В начале 1943 года Евгения Халдея перебросили с Баренцева моря на Черное. Один раз он уже бывал здесь – в декабре 41-го, участвовал в десанте на Керченский полуостров. Теперь его направили к Новороссийску. 225 дней держали оборону советские люди на Малой земле.

Земля была изранена снарядами, бомбами, живого места не было. И как неожиданно-трогательно среди хаоса войны вдруг предстали взору фотокорреспондента мирные занятия людей. Не верилось, что час назад здесь творилось то, что называется адом.

Самые первые бои за Новороссийск.

Затем – Керченский плацдарм.

Бой на заводе имени Войкова…

Освобождение Керчи. Советский боец сбрасывает фашистскую свастику.

Весна 44-го. Бои за Феодосию, Симферополь, Бахчисарай. Впереди – Севастополь.

«Здесь, в Севастополе, я встретил, конечно, очень много однополчан, – говорит Евгений Ананьевич. – Я не могу назвать их однополчане в прямом смысле слова, потому что я находился в разных частях, они были в своих частях, но не могу не вспомнить о Петре Шедько, командующем артиллерией 32-й дивизии, которого я снимал 8 мая на Сапун-горе с командиром дивизии Закурёнковым, которого впоследствии, через 35 лет, встретил здесь, в Севастополе. Я не могу не вспомнить о Григории Лишакове. Видите, я по-прежнему называю их по именам, как тогда называл. Григорий Лишаков – артиллерист с крейсера «Слава». Я его снял у монумента, на Набережной».

29 октября 1943 года за успешное форсирование Днепра командир отделения разведчиков Григорий Иванович Лишаков был удостоен звания Героя Советского Союза. Из его интервью: «С 1939 года я считаю себя жителем города Севастополя. Призван на службу в 1939 году, окончил школу оружия и для дальнейшего прохождения службы был списан на крейсер «Молотов», впоследствии именовался «Славой». Отечественная война меня застала в Севастополе. Крейсер только что вернулся с большого учения, находился в Северной бухте, и в эту ночь вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз зенитчики крейсера встретили своим огнем прорвавшиеся фашистские самолеты. Весь период обороны Севастополя крейсер находился непосредственно в районе Севастополя, вел бои по противнику. За период военных действий в Севастополе крейсер совершил 14 боевых походов. В Севастополь доставлено много военного снаряжения, техники. Из Севастополя на крейсере было вывезено около 10 тысяч раненых бойцов, командиров, жителей города Севастополя. И после оставления Севастополя крейсер продолжал боевые действия в боях за Крым и Кавказ. Мне с моими боевыми товарищами пришлось участвовать и на сухопутных фронтах в районе Старой Руссы, Орловско-Курской дуги. Пройдя Украину и освобождая Полтавскую, Сумскую, Киевскую, Николаевскую области, на сухопутном фронте закончил боевые действия в Белоруссии. Когда мы освободили город Режица, после третьего ранения я был снова направлен в город Севастополь для прохождения службы на своем же родном крейсере». Каждый год накануне праздника Победы было так: в самые торжественные минуты своей жизни он надевает боевые награды, и в светлые майские дни его ждут и молодые воины, и студенты, и рабочие, и севастопольские мальчишки.

Евгению Ананьевичу Халдею пришлось многое увидеть и пережить. Но и в самых тяжелых условиях фотокамера продолжала служить ему верой и правдой. И рождалась фотолетопись Великой Отечественной, а ее героями становились солдаты и моряки, летчики и танкисты, рядовые и полководцы – советские люди, приближившие Победу. Он помнит маленькую девочку, которая дружила с моряками. Это было в Геленджике, где базировались торпедные катера. Каждое утро она приходила на базу, пела песенки, танцевала. Что еще могла сделать девочка в свои 6 – 7 лет, чтобы немножко повеселить суровых воинов... И родилась у фотокорреспондента новелла «Галя-черноморочка», как называли девочку моряки. И какая была неожиданная и радостная встреча, когда Евгений Ананьевич увидел ее на своей выставке – теперь уже взрослую, и не просто Галю, а Галину Степановну. Она с волнением стояла у фотографии, вернувшей ее в тот 43-й год.

В книге Евгения Халдея «От Мурманска до Берлина» читаем:

...оны всегда со мной – в моих фотографиях, в моих блокнотах, в моей памяти, в моем сердце. Вглядитесь в лица этих людей. Это они отстояли нашу страну, это они освободили Европу.

Вот он, наконец, Берлин! Я продвигался к его центру вместе с воинами 8-й гвардейской армии генерала Чуйкова, – пишет Евгений Халдей. – По одной из улиц непрерывно шли наши танки. Неожиданно из убежища выско-чили женщины. Глядя на танки, они спросили: «Что это за танки? Чьи?» Я ответил: «Советские танки, русские!»

Всё ближе к центру. До рейхстага – километр.
До рейхстага – 200 метров. Красное знамя над рейхстагом!
Победа!

Помним

Помним слова писателя-фронтовика Александра Лесина:

Хорошим было всё мое солдатское поколение. Тысячи и тысячи из нас пали... Не будем считать ран – у кого их больше, у кого меньше. Не будем считать ордена. Не говори: я выполнил свой долг перед Родиной.

Долг выполнили МЫ.

Об авторе

Светлана Рыжкова, заслуженный журналист Республики Крым. Окончила Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет журналистики, лауреат Госпремии Республики Крым, дважды лауреат Международных творческих конкурсов журналистов “Серебряное перо”, награждена Золотой медалью Национального Союза журналистов Украины в связи с 50-летием Гостелерадиокомпании “Крым” (2009 г.), дипломант Российского Межрегионального телевизионного фестиваля “Моя большая страна” и Международного фестиваля античного искусства “Боспорские агоны”, награждена памятным знаком “За верность делу” Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Автор и ведущая на крымском телевидении программ “ЛИК” (Литература, Искусство, Культура), “Галерея искусств”, “Семь нот”, “Дворцы Южнобережья”, “Театральные вечера”, “Крым литературный”, “Крымские сезоны, или Приглашение к театру”, “Поэзии слово живое”, а также циклов программ о Международном театральном фестивале чеховской драматургии, “Солдатские сердца”, “Все флаги в гости”, “У Вечного огня”, “Терпсихора в Тавриде”, “Дни славянской письменности и культуры”, “Чеховские чтения”, “Фельетон по вторникам”, сатирический тележурнал “Фитилёк”, “Старшеклассник”, “Знайка путешествует”. Автор книг “Тroe и повелитель” (2010), “На полном несерьёзе” (2018), “Вызываю улыбку на себя” (2019), “Много шуток из ничего” (2020). Автор публикаций в крымских газетах, сборниках и альманахах.

Светлана Иустимовна Рыжкова
Мы родом не из детства

Читатель может направить свои пожелания автору
по электронной почте SvetlanaRTV@mail.ru

ISBN 978-5-907548-34-3

9 785907 548 343

Фотографии – остановленные мгновения телепрограмм автора

Набор текста – *Е.А. Плахоцкая*

Сдано в набор 17.01.2023

Подписано в печать 27.01.2023

Формат 60x84 1/16

Гарнитура «Times New Roman Сyr»

Тираж 100 экз.

Заказ № 038

Отпечатано с готового оригинал-макета издательством
ООО «ФОРМА»

295034, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Кирова, д. 34, оф. 13
Телефон: +7 (978) 725 35 78; эл. почта: formacrimea@mail.ru